

Санкт-Петербургский государственный университет

Чжэн Цянь

Выпускная квалификационная работа

**ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКЕ КНР**

Уровень образования: Магистратура

Направление 41.04.05 «Международные отношения»

Основная образовательная программа

ВМ.5568.2018

«Связи с общественностью в сфере международных отношений»

Научный руководитель:

доцент Кафедры мировой политики,

к. полит. н., доцент

Немчинова Тамара Сергеевна

Рецензент:

Доцент Кафедры международных отношений

Северо-Западного института управления

Российской академии народного хозяйства и

государственной службы при Президенте РФ

к. полит. н. Пронякина Елизавета Дмитриевна

Санкт-Петербург

2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Формы и методы использования «мягкой силы» во внешней политике Китайской Народной Республики.....	9
1.1. Развитие политики «мягкой силы» в КНР: история, цели и инструмен.....	9
1.2. Культурный фактор во внешней политике КНР.....	17
1.3. Пропаганда китайского языка и развитие науки как инструменты «мягкой силы» КНР.....	24
Глава 2. Исторические основания и современное состояние системы высшего образования Китайской Народной Республики.....	29
1.1. Система образования в КНР: история и современное состояние.....	29
2.2. Современные проблемы китайского высшего образования и их решение руководством Китая.....	36
Глава 3. Роль образовательного вектора во внешнеполитическом курсе Китайской Народной Республики.....	43
3.1. Интернационализация образования как инструмент «мягкой силы» в современной геополитике КНР.....	43
3.2. Совместные образовательные проекты как форма реализации национальных интересов КНР и Российской Федерации в условиях глобальной конкуренции.....	51
Заключение.....	57
Использованная литература и источники.....	61

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Демократизация, интеграция, глобализация являются основными мегатрендами XXI в. Они оказывают значительное влияние на все сферы жизни общества, в том числе образование, которое приобретает современные черты и играет всё более важную роль. Например, бурное развитие технологий, экономики делает необходимым повышение квалификации, обучение новым навыкам и умениям. Прозрачность границ приводит к увеличению мобильности студентов, профессоров. Интеграция мира способствует тесному сотрудничеству, универсализации образовательных программ. Возрастает роль инновационных факторов производства, в том числе, человеческих (профессиональные компетенции, коммуникативные навыки), поэтому увеличивается количество стран, заинтересованных в инвестировании в человеческий капитал. В то же время современные мегатренды вызывают множество глобальных проблем. Образование может, если не решить, то значительно смягчить их. Поэтому так важно модернизировать образовательную систему, способствовать распространению новых образовательных программ. Кроме того, оно само способно задавать векторы развития, так как оказывает значительное влияние на политическую, экономическую, демографическую обстановку в стране и мире.

Стремление соответствовать современным темпам мирового развития и укрепить конкурентные позиции на мировом образовательном рынке приводит к тому, что государства выделяют всё больше средств на совершенствование данной сферы, создают новые научно-образовательные центры, запускают государственные программы, заимствуют зарубежный опыт, стремятся повысить позиции отечественных университетов в международных рейтингах.

В условиях современного глобального экономического порядка политика «мягкой силы» становится все более значимой в общей системе международных отношений. Практические инструменты ее реализации и теоретические разработки целей и факторов во многом различаются в разных странах. Особенно актуальным в современной политической науке является анализ влияния на внешнюю политику таких культурных факторов, как образование и наука. В КНР традиционно именно культурные инструменты «мягкой силы» признавались наиболее значимыми, что отличало Китай от понимания «мягкой силы» в западных странах, ориентированных на экономические инструменты международного влияния.

Опыт Китая, за последние десятилетия сделавшего резкий экономический рывок, сохраняя социалистическую политическую идеологию и систему управления и, при этом, не отказавшегося от традиционных культурных ценностей, привлекает большое внимание специалистов-политологов и культурологов. В условиях такого быстрого развития проблема реформирования системы образования Китая, которая отвечала бы как обеспечению внутреннего развития страны, так и вызовам современной глобализации международного рынка товаров и труда, оказывается одной из наиболее сложных, а ее успешное решение становится важным фактором международного имиджа государства и влияния на международной арене.

Поэтому анализ китайской модели реализации «мягкой силы», в которой культура и образование рассматриваются как наиболее значимые инструменты, имеет большое значение для определения путей дальнейшего развития Китая, а также может помочь исследователям и аналитикам из других стран в определении перспектив реализации политики «мягкой силы» на основании достижений китайского опыта.

Степень разработанности темы. Интерес к анализу концепции «мягкой силы» и ее применения к китайским политическим идеям и практике их реализации сильно вырос в КНР и во всем мире в начале XXI века. Китайологи серьезно переработали и расширили предложенную Дж. Наем теорию «мягкой силы» и ее концептуальных основ «мягкой силы» КНРские политологи и социологи, наполнив факторами культуры, морали и национальных ценностей, обозначив значение для Китая культуроцентричность «мягкой силы». При этом, были переведены на китайский язык и детально проанализированы работы Дж. Наем, З. Бжезинского, С. Хантингтона и других классиков западной политологии и геополитики. Этот анализ раскрыт в работах Ван Хуньиня, Дань Шиляня, Ли Минцзяня, Го Цземиня, Чжан Цзо, Чжэн Бао, Гао Чжаньсян и др. Гао Чжаньсян в работе «Сила культуры»¹ показывает, что «сила культуры» является главным источником гармоничного развития политики и экономики, а следовательно, для развития государства требуется прежде всего возрождение культуры. По мнению автора, центром государственной «мягкой силы» является культура как основа возрождения нации и построения гармоничного общества».

---

¹ Гао Чжаньсян. Сила культуры. Изд-во Пекинского университета, 2007. 318 с.

Чжан Цзы и Сан Хун также считают главной в национальной стратегии «мягкой силы» в Китае роль культуры². Дань Шилянй полагает, что «сила культуры» опираясь на современные культурные формы, способна создать привлекательный имидж Китая и его «мягкой силы» на международной арене и в обществах с другой культурой³.

Чжэн Бао также считает культуру основным фактором «мягкой силы» Китая и ее влияния на внешнюю политику руководства и восприятие Китая в мире⁴.

В российских исследованиях политики «мягкой силы» Китая Г. И. Ганьшина, М. И. Гарбарт, С. Ю. Распертова также признают, что культурный аспект является ее идеологическим центром⁵.

Наиболее эффективными элементами «мягкой силы» культуры в Китае признаются международное влияние китайского языка и конкурентоспособность образования на мировом рынке. Российские исследователи А. В. Бояркина и О. И. Завьялова отмечают все более возрастающее внимание руководства китайской культурной политикой к проблеме изучения китайского языка за рубежом⁶. По мнению большинства политологов, например И. И. Осинский, политика в области языка помогает стать более конкурентоспособной и китайской науке⁷.

Образование как один из самых значимых культурных факторов «мягкой силы» Китая в последние годы становится темой все большего числа исследований. Так, переведенная на русский язык книга исследовательницы Цзинь Ли, много лет проведенной в США, «Культурные основы обучения: Восток и Запад» показала русскому читателю то внимание, которое уделяется в Китае сохранению культурных традиций в образовании. Образование, основанное на ключевых «внутренних» добродетелях, оказывается в современном мире не менее конкурентоспособным, эффективным фактором «мягкой силы», чем западная модель образования, основанная на рациональном познании внешнего мира⁸.

---

² Чжан Цзы, Сан Хун. Культура: «мягкая власть» международной политики // Исследования социализма. 1999. № 3. С. 41–44.

³ Дань Шилянй. «Мягкая сила» массовой культуры // Исследования культуры. 2015. № 4. С. 17–25.

⁴ Чжэн Бао. Мягкая сила Китая. Чжунчжэнь биньличжу, 2015.

⁵ Ганьшина Г. И. История развития политики «мягкой силы» в Китае // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2016. № 3. С.63-72

⁶ Бояркина А. В. Язык и культура Китая как эффективные инструменты «мягкой силы» в реализации внешней политики КНР // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С.115-118

⁷ Осинский И. И. Китай в мире науки // Евразийство и мир. 2019. № 1. С.1-22

⁸ Цзинь Ли. Культурные основы обучения: Восток и Запад / Пер. с англ. А. Апполонова, Т. Котельниковой; под науч. ред. С. Филоновича. М.: ИД Высшей школы экономики, 2015. 464 с.; Цао И. Развитие системы обеспечения и оценки качества высшего образования в Китае // Современные гуманитарные исследования. № 4 (59). 2014. С- 151-160.

Российские политологи и социологи А. Г. Актамов и А. М. Бобыло также признают, что политика «мягкой силы» в Китае предполагает модернизацию и интернационализацию системы образования⁹. При этом, китайские ученые Се Вайхэ, Сюй Ли и Ван Шаньмай наибольшее внимание уделяют такому качественному показателю образования, как «справедливость», то есть равные для всех доступность и качество¹⁰.

Проблематику интернационализации образования в Китае и развития Институтов Конфуция и классов Конфуция, как инструментов политики «мягкой силы» Китая в своих работах исследовали китайские ученые Ян Сюэтуан, Пан Жи, Лю Цзея и другие. В российской науке этот вопрос рассматривался в работах С. В. Михневича, О. Ф. Русаковой, Э. О. Леонтьевой¹¹.

При этом, можно отметить, что комплексных исследований истории и современного состояния реализации политики «мягкой силы» КНР в области образования недостаточно, что оставляет значительный простор для исследования.

Объектом настоящей работы – система образования как фактор политики «мягкой силы» в современной внешней политике КНР.

Предметом исследования – процессы и формы модернизации сферы образования в КНР с целью его использования в качестве инструмента «мягкой силы».

Целью магистерского исследования является изучение различных аспектов образовательной политики в КНР как инструмента внешнеполитического влияния.

Для достижения общей цели в работе были поставлены следующие **конкретные задачи**:

- исследовать рецепцию и развитие концепции «мягкой силы» во внешней политике КНР;
- показать исторические основания культуросцентричной внешней политики Китая, повлиявшие на выработку концепции «мягкой силы» с китайским уклоном;
- рассмотреть роль пропаганды китайского языка в мире для реализации китайской модели «мягкой силы» и усиления научного потенциала китайской экономики;

---

⁹ Актамов А. Г. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния // Власть. № 3. 2019. С. 231-236; Бобыло А. М. Политика интернационализации высшего образования в странах АТР как инструмент «мягкой силы» (на примере США, КНР, Сингапура и РФ) // Ойкумена. № 1. 2017. С. 18-28.

¹⁰ Се Вэйхэ. Развитие образования и справедливость в сфере образования КНР. 1990–2005. Пекин: Цзяоюй кэсюэ чубаньшэ, 2008. 370 с.

¹¹ Михневич С. В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Юго-Восточной Азии // Вестник международных организаций. Т. 10. № 1. 2015. С.81-117

- изучить развитие и реформирование системы образования в КНР в целях увеличения ее конкурентоспособности в глобальной экономике;
- дать обзор современных проблем китайского образования и действия руководства КНР в ответ на современные вызовы.
- проанализировать формы интернационализации китайского образования, в том числе использование системы Институтов и классов Конфуция в качестве инструментов «мягкой силы» КНР;
- изучить процессы сотрудничества КНР и РФ в области образования в отношении реализации общих геополитических интересов в регионе и мире на базе концепции политики «мягкой силы».

Методология исследования включает в себя общенаучные принципы, методы конкретных исторических и политических наук, методики сбора информации и работы с источниками.

Общенаучные принципы:

- объективности, согласно которому факты должны превалировать над их интерпретациями;
- историзма, рассматривающий явления в их конкретно-историческом окружении;
- культурологический подход, как способ научного познания, основанный на изучении фундаментальных культурных ценностей общества в определенные периоды его развития.

Методы конкретных исторических и политических наук:

- историко-описательный, представляющий основную фактологию темы;
- историко-сравнительный, дающий возможность классифицировать исторические факты;
- метод политико-экономического анализа, позволяющий определить влияние факторов экономики на политическую ситуацию в исследуемом обществе или государстве.

Научная новизна исследования заключается в:

- комплексном исследовании истории реформирования китайской системы образования в области его международной конкурентоспособности и улучшения внешнеполитического имиджа Китая как реализации концепции «мягкой силы»;
- введение в научный оборот широкого круга российских и непереведенных англоязычных и китайских источников.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для анализа перспектив использования образования как инструмента «мягкой силы» в международных отношениях, а также при подготовке учебных пособий по соответствующим темам.

Структура магистерской диссертации: работа состоит из трех глав (семи параграфов), введения, заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ФОРМЫ И МЕТОДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

1.1. Развитие политики «мягкой силы» в КНР: история, цели и инструменты

Российская исследовательница Г. И. Ганьшина пишет: «первые представления о «мягкой силе» в Поднебесной были высказаны китайскими мыслителями Лао-цзы, Конфуцием, Сунь-цзы и применялись в области военной мысли, управления государством и воздействия на другие народы более двух тысяч лет»¹². Действительно, даже термин «мягкая сила», введенный в политическую теорию Дж. Наем в конце 1980-х гг.¹³, можно встретить в классических китайских политико-философских текстах. Так, в «Дао Де Цзин» Лао Цзы прямо говорится, что «армия, не обладающая гибкостью, никогда не побеждает», «жесткий и твердый падет, а мягкий и гибкий все преодолет», «вода – это самое мягкое и самое слабое существо на свете, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима. Это называется глубокой истиной». Не случайно, Дж. Най, в ответ на упреки в том, что его «теория» лишена конкретики и инструментальной точности, признавал, что единого способа определения «мягкой силы» не может быть, поскольку каждая страна использует разные инструменты влияния, определяемые историей, культурой, опытом взаимодействия с другими государствами и целями внешней политики¹⁴.

В современной китайской политической теории эти идеи также становятся популярными. Так, в статье «Культура – «мягкая сила» государственной мощи», напечатанной в 1993 г., профессор университета Фудань Ван Хуньин утверждал, что в отношениях между государствами именно не-силовая культурная политика имеет больше шансов на достижение благоприятного результата, поскольку военная, «жесткая» сила может применяться в ограниченной мере, она вызывает негативную реакцию у других членов мирового сообщества, в то время, как «мягкий», культурный нажим может осуществляться долговременно, постоянно, в разных формах, ведущих к одной желаемой цели. В дальнейшем термин «мягкая сила» стал применяться и к другим аспектам внешней политики, помимо военной: экономике, дипломатии, общественным связям¹⁵.

---

¹² Ганьшина Г. И. История развития политики «мягкой силы» в Китае // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. № 3, 2016. С. 63–72. С. 63.

¹³ См. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд. 397 с.; Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1990.

¹⁴ Nye J. (Jr.) The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. P. 82–83.

¹⁵ Ли Шицзюнь. Дэн Сяопин: синь шици цзюнь чжэсюэ сысян (Дэн Сяопин: идеология военной философии нового времени). Бэйцзин, 1991. 295 с.

Также можно сказать, что возрождение интереса к теоретическим аспектам применения не-силовых, невоенных методов влияния и ведения международной политики имеет свою историю и в культуре Запада, начиная с пацифистских идей в раннем христианстве и рациональных теорий «вечного мира» в трудах аббата Сен-Пьера («Проект вечного мира», 1713)¹⁶. Канта («К вечному миру. Философский проект», 1795)¹⁷. Таким образом, теория «мягкой силы» сегодня эффективно сближает культуры Китая и Запада, еще недавно считавшиеся едва ли не историческими антиподами друг друга. Так, в последних политологических работах изменяется подход к самому определению термина «сила». Если в классическом подходе, например, у К. Клаузевица, он подразумевал в первую очередь, военный аспект, силу армии и вооружения, как инструмент воздействия, то сегодня способность «актора заставить действовать другого актора так, как в любом другом случае он бы не действовал»¹⁸, все чаще связывается с культурным, дипломатическим и иным невоенным воздействием.

Эти идеи оказались близки китайскому менталитету, и, получив популярность в странах Запада, они были с готовностью восприняты и развиты в Китайской Народной Республике, в которой на рубеже XX–XXI вв. происходили серьезные перемены как во внутренней, так и во внешней политике. «Китайские ученые активно изучают различные аспекты «мягкой силы», в том числе, то, как мягкая сила может помочь в реализации масштабных внешнеполитических задач. В то же время элементы концепции «мягкой силы» все чаще фигурируют во внешнеполитических документах и в официальных речах высшего руководства Китая».

В период лидерства Дэн Сяопина в 1980-х гг. Китайская Народная республика встала на путь внутренних реформ и открытости миру. При этом имелись многочисленные проблемы, связанные в том числе и с отсутствием внутреннего единства в стране. В этот период концепция «мягкой силы» была обращена на решение именно внутренних проблем, развитие экономики и идеологическое объединение Китая¹⁹.

Международный аспект развития концепции «мягкой силы» в политике руководства КНР стал главенствовать уже в следующий период модернизации государства. Когда экономика и торговля Китая стали активными участниками процессов

---

¹⁶ Шарль Ирине де Сен-Пьер. Избранные места из проекта вечного мира (В изложении Ж.-Ж. Руссо, 1760) // Трактаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. СПб.: Алетейя, 2003. 398 с. С. 136–161.

¹⁷ Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. СПб.: Алетейя, 2003. 398 с. С. 205–241.

¹⁸ Dahl R. A. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. July. P. 201.

¹⁹ Ганышина Г.И. Указ. соч. С. 68.

мировой глобализации, остро встала задача создания положительного имиджа страны в международных отношениях, особенно ввиду того факта, что либеральная общественность западных стран негативно оценивало исторический опыт Китая в годы правления Мао Дзе Дуна, «культурной революции» и подавления массовых протестных выступлений молодежи в конце 1980-х гг. Более того, на Западе и в США средства массовой информации нагнетали общественную обеспокоенность «китайской угрозой». При этом реальную угрозу для существования китайской цивилизации имели колониальная экспансия Запада в XIX – начале XX вв., а в конце XX в. началась тотальная культурная экспансия «западного образа жизни» и американизация глобальных средств массовой информации, серьезно влияющих на общественное сознание.

В этих условиях китайское руководство осознало необходимость развития национальной теории и практики применения инструментов «мягкой силы» в обоих проблемных направлениях. Было необходимо изменить образ Китая в глазах новых экономических партнеров, с одной стороны, и, с другой, сохранить самобытность китайской цивилизации, защитить народ и государство от тотального глобализирующего влияния. Эта работа началась после избрания на пост председателя Коммунистической партии КНР Цзян Цзимины, который в 2002 г. на XVI съезде партии указал на значимость культуры в политике.

Сменивший Цзян Цзимины в 2003 г. председатель Ху Цзиньтао впервые употребил словосочетание «мягкая сила» в официальном послании XVII съезду Коммунистической партии в 2007 г. в контексте «обогащения культурной жизни китайского общества и вдохновения энтузиазма для народного прогресса»²⁰. А на XVIII съезде китайской партии Ху Цзиньтао прибавил к этой внутривластной и идеологической цели «мягкой силы» цель внешнеполитическую – продвижение китайской культуры на международной арене для успешной конкуренции с другими странами, успешно это делающими: «...в целях возрождения нашей нации мы обязаны усердно работать над развитием китайской культуры, сохранять лучшее в прошлом и принимать лучшее в настоящем, и этим показать успехи мягкой силы культуры Китая». С этого времени начинается взлет в Китайской Народной Республике научных разработок по теме теории и практики «мягкой силы» во внутренней и внешней политике. Именно единство внутренней и внешней стороны политики «мягкой силы» в теории и практике китайского руководства стало основой для развития этого понятия в Китае.

---

²⁰ Гарбарт М. И. Указ. соч. С. 49.

Такой подход отличает китайскую специфику трактовки термина от западной, в которой «мягкая сила» рассматривается как исключительно инструмент внешней политики и международных отношений, оставляя для внутренней политики либеральную теорию «демократизации», которая с помощью «мягкой силы» должна быть навязана всем участникам международных отношений. Этот разрыв в Китае и некоторых других национальных научных традициях ощущается как «двоемыслие» или «двойной стандарт». Показательно, что как и в китайском языке, в русском термин «мягкая сила» может переводиться с английского как «гибкая сила». Правда в китайском языке этот термин еще более многозначен. Различие в «языке» политической идеологии, созданной для «внутреннего» и «внешнего» потребления, воспринимается и в Китае, и в России как «неискренность», и, следовательно, потенциальная опасность. Так, политолог Гао Чжаньсян в книге «Сила культуры» утверждает, что «культурная безопасность является важнейшим условием государственной безопасности, в том числе и безопасности военной, политической и экономической»²¹.

Кроме того, имеются и другие отличительные характеристики понимания «мягкой силы» в традиции китайской и западной цивилизации. Так, в концепции Дж. Ная инструменты «мягкой силы» рассчитаны на недовольных индивидуумов в государстве-противнике. Китайская же политика «мягкой силы» – в первую очередь, на довольных граждан, составляющих общество потенциального дружественного государства. Поэтому популярные на Западе и, особенно, в США разработки по применению «мягкой силы» в целях разрушения в государствах-конкурентах властных структур, в Китае не пользуются популярностью. Китай традиционно предпочитает иметь дело со стабильными партнерами и их лидерами, а не подчинять себе общества, находящиеся в состоянии кризиса и распада. Профессор университета Ханьчжоу Чжэн Бао в книге «Мягкая сила Китая» пишет о необходимости «принимать во внимание огромные различия между китайской и западной культурными традициями, что потребует разработку своего уникального подхода к исследованию «мягкой силы» и создания отличных от западных методов ее реализации, которые согласуются с культурой страны»²².

Ван Хуньин дает анализ различия американского и китайского подходов к «мягкой силе», показывая, что американская модель основывается на привлекательности массовой культуры, общества потребления и политической демократии, в то время, как в Китае

---

²¹ Гао Чжаньсян. Веньхуа ли (Сила культуры). Бейцзин дацзю чубаньши, 2007. С. 8.

²² Чжэн Бао. Чжунго руан шил (Мягкая сила Китая). Чжунчжэнь биньличжу, 2015. С. 42.

концепция «мягкой силы» базируется на понятиях «традиция», «культура», «экономическое развитие», «социальная справедливость», «мораль и право»²³.

В качестве конкретного примера можно указать на отсутствие в списке факторов «мягкой силы» Китая культуры, образования и науки в исследовании Ч. С. Улла «Китайская мягкая сила: изменение восприятия в мире», сделанного в Морской школе последипломного образования в Монтеррее (Калифорния, США). Улла рассматривает следующие факторы «мягкой силы»: личная свобода, свобода бизнеса, влияние массовой культуры, распространение китайских идей и традиций, распространение в мире китайских технологий²⁴. Для китайских специалистов в понятии «мягкой силы» большее значение имеют такие факторы, как: благосостояние народа и отсутствие нищеты, перспективы экономического роста государства, создание условий для мирного развития государств на региональном и глобальном уровне, усиление факторов образования и культуры в международных отношениях.

Мягкая сила в настоящее время является актуальной темой в Китае – поиск академических баз данных и популярных веб-сайтов дает множество статей, выступлений лидеров, опросов и записей в блогах на эту тему. В оживленных дебатах вокруг формулирования внутренней и внешней политики, необходимой для создания «всеобъемлющей национальной мощи Китая [цзунхэ гуоли] – экономической, дипломатической и военной мощи, необходимой для обеспечения Китаю того, что называется в Китае «соответствующим влиянием на мировой арене», – теория «мягкой силы» занимает видное место.

От переоценки китайской традиционной культуры и поиска «основной социалистической системы ценностей» до следования «концепции научного развития» и создания гармоничного общества; и от дебатов о «сохранении низкого статуса» против «достижения лучшего» [taoguang yanghui vs yousuo zuowei] до борьбы с теорией «китайской угрозы» и установления гармоничного мира идея «мягкой силы» является общей нитью. Как объясняет один эксперт Аналитического центра: «сейчас, во время

---

²³ Ван Хунин. Мягкая сила международной политики и анализ мягкой силы Китая // Мировая экономика и политики. 2007. № 7. С. 6–12.

²⁴ Chaudhry Saeed Ullah. China's soft power: changing the World. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degrees of master of science in defense analysis. Naval Postgraduate School. Monterey, California. December 2015. P. 79.

второй волны дебатов, существует консенсус, что мягкая сила имеет решающее значение для Китая»²⁵.

В 2012 г. был создан первый в стране институт исследований «мягкой силы» – Гуандунский южный институт, в 2014 г. – Китайский общенациональный Центр по исследованию «мягкой силы» в Пекине под руководством Чжан Гоцзо. Центр издает журнал «Культура и сила государства». В 2016 г. в Хунаньском университете было начато издание журнала «Культурная мягкая сила». В результате теоретических разработок в КНР появилась собственная правовая система, регулирующая государственную политику «мягкой силы». Комплексы таких правовых актов регулируют как отдельные сферы китайской политики (культуры, образования, работу других ведомств), так и включены в программные партийные документы. Теория и практика реализации концепции «мягкой силы» идут в Китае рука об руку, совершенствуя внутри- и внешнеполитические, экономические, имиджевые цели государства.

Показательно, что весь период бурного экономического роста в Китайской Народной Республике в конце XX – начале XXI вв. прошел без применения руководством страны «жесткой», военной силы. Китайское государство не стало участником ни одного прямого военного конфликта и даже «непрямые» военные угрозы применялись им чрезвычайно редко. Можно указать лишь на патрулирование китайским военным флотом прибрежных вод Сомали в 2008 г., для защиты морских коммуникаций от пиратства.

Хотя школа культуры, по-видимому, завоевала поддержку китайского руководства, не все ученые согласны с тем, что она является ядром «мягкой силы». Они, не отрицая определенного значения культуры, сосредотачивают на том, кто и как использует ресурсы «мягкой силы», и делают вывод, что сила государства и политического манипулирования, а не культура или массовая привлекательность, являются сущностью «мягкой силы». Ведущий сторонник этой школы, профессор Университета Цинхуа Янь Сюэтун, утверждает, что «для укрепления «мягкой силы» Китая важнейшей задачей является укрепление политической власти. Начинать с политики – это не то же самое, что начинать с культуры»²⁶. Для Яня и его коллеги Сюй Цзиня «мягкая сила» состоит в международной привлекательности, включая международный и внутренний мобилизационный потенциал.

Долгое время Янь и Сюй были единственными учеными, которые попытались количественно оценить мягкую силу Китая, заключив, что в настоящее время она

---

²⁵ *Shaohua Hu*. Confucianism and Contemporary Chinese Politics // *Politics & Policy*. Vol. 35 No. 1, 2007.

²⁶ *Yan Xuetong*. Political Application of Cultural Resources // *Huanqiu Shibao*. August 2. 2007.

составляет одну треть от силы Соединенных Штатов²⁷. Чтобы наверстать упущенное, ученые считают, что Китай должен развивать условия для создания общества, основанного на гармонии социального равенства и справедливости, как политическую основу для строительства «мягкой силы». Янь и Сюй также предлагают спорную идею о том, что Китай должен «переосмыслить свою ненасильственную политику» и сделать «увеличение числа стратегических союзников главной целью строительства мягкой силы»²⁸.

Среди китайских экспертов по международным отношениям и политике, которые подчеркивают важность политики над культурой, растет интерес к внешней политике и институтам мягкой силы. По словам Су Чанхэ, профессора Школы международных и дипломатических отношений Шанхайского университета международных исследований, «мягкая сила» проявляется в способности государства создавать международные институты, устанавливать повестку дня, мобилизовывать коалиции и выполнять взятые на себя обязательства.

Некоторые ученые подчеркивают значение для реализации «мягкой силы» участия Китая в многосторонних международных организациях и дипломатических мероприятиях, таких как гуманитарная помощь и миротворческие операции. Так, профессор Цзяотонского университета Шуйонг призывает Китай стать полностью интегрированным и более активным в международной системе, и он даже предлагает Китаю направить войска под эгидой ООН в случае того, что он называет «справедливой войной». Признав, что не хватает многих инструментов «мягкой силы», Китай может наверстать упущенное. Министерство образования и Коммунистическая Молодежная Лига, например, создали китайскую версию институтов по образцу американского Корпуса мира, которые поощряют студентов университетов участвовать в волонтерских операциях за границей, особенно в Африке.

По-прежнему в Китае существует тесная связь между дискурсом о «мягкой силе» и более широкой дискуссией о внешней политике. В последние годы китайские ученые все чаще ставят под сомнение мудрость продолжения придерживаться изречения Дэн Сяопина о том, что Китай должен оставаться в тени в международных делах; многие задаются вопросом, не пора ли Китаю занять более активную позицию, соизмеримую с его растущим статусом международной державы. Вопросы о том, как выработать

---

²⁷ Yan Xuetong and Xu Jin. A Soft Power Comparison between China and the United States // Xiandai Guoji Guanxi. January 20. 2008.

²⁸ Ibid.

убедительный набор ценностей с китайскими характеристиками, внедрить определенные китайские элементы в международную систему и повысить привлекательность китайской модели для развивающихся стран, относятся к числу , которые предстоит решить в будущей внешней политике Китая. И, хотя в последние годы проводятся исследования, включающие «жесткую силу» в круг инструментов внешней политики Китая²⁹, они являются, скорее, исключением, нежели правилом.

Пока именно «культуроцентризм» является главным направлением политики «мягкой силы» в Китайской Народной Республике. Китайские политологи полагают, что «мягкая сила» должна способствовать как усилению международного влияния посредством публичной дипломатии и стремления к мирному развитию, но и развитию внутри страны путем придания китайской культуре, а также экономическим и политическим ценностям привлекательности как для китайской, так и для международной аудитории. Главная проблема в реализации «мягкой силы» во внешней политике заключается в том, что нельзя гарантировать, что она принесёт нужные плоды, имея в виду четко обозначенные цели. «Мягкая сила» имеет более общие и размытые цели. Поэтому можно согласиться с правильностью слов высокопоставленного китайского чиновника, «Китай использует мягкую силу с целью создания международной среды, благоприятной для развития Китая» .

---

²⁹ Кочетков В. В., Грачиков Е. Н. Идентичность как источник «мягкой силы» Китая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 40–62. С. 42.

1.2. Культурный фактор во внешней политике КНР

Китайский ученый, которому приписывают публикацию первой статьи в Китае о «мягкой силе», – профессор Ван Хуньин, избранный бывшим председателем Цзян Цзэмином на должность заместителя директора отдела политических исследований Китайской коммунистической партии (КПК), а при Ху Цзиньтао руководителем этого отдела, а также назначенный в Секретариат Центрального Комитета КПК, написал в 1993 г. статью о теории «мягкой силы» в журнале Университета Фудань. Ван сделал оценку ряда положений теории Дж. Ная. Примечательно, что Ван сосредоточил внимание на культуре как основном ресурсе государственной «мягкой силы»: «если страна обладает замечательной культурой и идеологической системой, другие страны будут стремиться следовать ей... Она не должна использовать свою жесткую силу, которая является дорогой и менее эффективной»³⁰.

Как уже было сказано, в Китае возникли две основные школы мысли, вокруг которых сосредоточен дискурс о мягкой силе. Основная точка зрения, которой придерживаются ведущие социологи и философы Китая, заключается в том, что культура является главным элементом «мягкой силы». «Школа культуры» оказала наибольшее влияние на формирование китайской политики, а центральная роль культуры в осуществлении «мягкой силы» была положительно воспринята руководством Китая. Для ведущего сторонника «школы культуры» Юй Синьтяня мягкая сила включает в себя мысли, идеи и принципы, а также институты и политику, все из которых действуют в контексте национальной культуры и не могут быть отделены от нее. Юй Синьтян, почетный директор Шанхайского института международных исследований, утверждает: «чем более привлекательна и целостна идеология, тем больше людей ее примут и тем больше возможностей для реализации «мягкой силы» в стране»³¹. История Древнего Китая и традиционная культура рассматриваются большинством ученых как ценный источник «мягкой силы» для привлечения не только восточноазиатских соседей, с которыми Китай разделяет конфуцианское наследие, но и более широкого международного сообщества.

Другие ученые идут еще дальше и считают, что традиционные китайские ценности, такие как «человек – в основе всего», «высшая ценность – это гармония», «единство в многообразии», «гармония человека и природы», «не делай другим того, что не желаешь

---

³⁰ *Wang Huning*. Culture as National Soft Power: Soft Power // Journal of Fudan University. March 1993.

³¹ *Yu Xintian*. The Role of Soft Power in China's Foreign Strategy // Guoji Wenti Yanjiu, March 13 2008.

себе», ставшие основой концепции «гармоничного общества и гармоничного мира», выдвинутой председателем Ху Цзинтао на Азиатско-Африканском Саммите в апреле 2005 г.³², – могут стать альтернативой западным ценностям.

Некоторые китайские аналитики утверждают, что глобальные проблемы, такие как нищета, ухудшение состояния окружающей среды и региональные конфликты, могут быть лучше решены путем принятия китайского, а не западного подхода. Мнение о том, что культура является основным ресурсом «мягкой силы», было подкреплено наблюдением Китая за реализацией политики «мягкой силы» в США. Китайские аналитики отмечают, что несмотря на то, что стремление администрации президента Дж. Буша-младшего к односторонней внешней политике и попытки экспортировать во всем мире «демократические идеалы» и финансовый кризис, подорвали другие ресурсы «мягкой силы» Америки, массовая культура США остается доминирующей. Даже критики американской глобалистской идеологии и политических ценностей признают, что они смотрят американские фильмы, пьют кока-колу и едят в «Макдоналдсе».

Профессор Народного университета Фан Чанпин указывает, что «ключевая причина упадка американской мягкой силы заключается в том, «что Америка делает», в то время как «то, что Америка есть» все еще обладает мощным притяжением, и именно это – одна из причин, по которой Соединенные Штаты все еще имеют преимущество в области «мягкой силы» . Имея это в виду, некоторые ученые, в том числе Ху Цзянь, заместитель директора Центра российских исследований Шанхайской академии общественных наук, предупреждают об опасности дефицита «культурного обмена» Китая с Западом. Автор подчеркивает важность использования культурных средств массовой информации для продвижения имиджа Китая и повышения его авторитета на международной арене.

Таким образом, Китай может противостоять навязываемому ему Западом образу и ценностям и отстаивать собственные права на информацию. Недовольство по поводу освещения западными СМИ протестов в Тибете и эстафеты Олимпийского огня весной 2008 г. возродило подозрения в том, что «культурная гегемония» США использовалась для ослабления и дестабилизации Китая и привела к призывам Пекина бороться с этим вызовом³³. Мнение профессора Шанхайского университета Цзяотон Ли Хайцзюаня о том,

---

³² Hu Jintao Calls for Harmonious World at Summit // China Daily, September 16. 2005.

³³ *Qiao Liang*. The New Soft Power Competition // Xiandai Guoji Guanxi. No. 5. 2008.

что «конкуренция культурной власти является ядром борьбы за «мягкую власть», разделяют многие китайские аналитики³⁴.

При этом слабость мирового влияния китайской культуры замечают не только западные аналитики, но и деятели современной культуры в Китае. Популярный китайский блогер Хань Хань в речи 20 мая 2010 г. в Университете Сямэня высказал мнение, что причина того, что «Китай не считается культурным государством» – это цензура. «Это может показаться очевидным, так как на фоне растущей «мягкой власти» Китая, подвергаемое в свободной культурной среде цензуре искусство неизбежно теряет часть своей привлекательности и конкурентоспособности... Массовая культура КНР недостаточно привлекательна для западных потребителей и поэтому почти не влияет на их восприятие Китая; им нравятся, например, американские изображения Китая в поп-культуре, но они не интересуются самой китайской культурой... Китай пришёл на рынок культурной экспансии последним, когда место в сердцах уже было занято»³⁵.

Китайское руководство почти не нуждалось в убеждениях относительно основной ценности культуры в реализации политики «мягкой силы». Культура рассматривается руководством КПК как точка опоры в международной конкуренции. Один из официальных китайских сайтов писал в 2007 г., что «ряд сильных иностранных государств желают сделать из культуры оружие против других народов, и поэтому мы должны упорно работать над повышением «мягкой силы» нашей страны, чтобы не допустить реализацию западными странами «мирной революции» - тайной попытки подорвать легитимность партии путем проникновения в нее западной культуры и политических ценностей». Президент Ху Цзиньтао заявил в 2006 г.: «тот, кто займет главенствующее положение на поле битвы культурного развития, одержит верх в ожесточенной международной конкуренции»³⁶.

Дискуссии о «мягкой силе» укрепили представление о том, что партия должна пропагандировать правильную культуру. В последние два десятилетия бурные дебаты сопровождались поиском объединяющей идеологии, или основной социалистической системы ценностей, чтобы заменить ныне несуществующий маоизм-марксизм и при этом предложить альтернативу западным ценностям. Хотя консенсус еще не достигнут, промежуточные шаги включают реабилитацию некогда отвергнутых традиционных школ

---

³⁴ *Li Haijuan*. Soft Power Competition and Cultural Strategy // *Mao Zedong Deng Xiaoping Lilun Yangjiu*. Iss. 12. 2004. Pp. 49–54.

³⁵ *Тарасова Д. А.* Экспорт массовой культуры как слабое звено мягкой силы Китая // *Научные ведомости*. Сер. История. Политология. 2019. Т. 46. № 1. С. 164.

³⁶ *Hu Jintao Speech to Literary and Art Circles* // *Renmin Ribao*. November 12. 2006.

мысли – конфуцианства, даосизма и буддизма³⁷. Было также признано, что в дополнение к созданию Китайской экономической или «материальной цивилизации» (жесткая сила) нация должна построить «духовную цивилизацию» (мягкая сила). Президент Цзян Цзэминь объявил о решении построить социалистическую «духовную цивилизацию» на XV съезде КПК в 1998 г. В 2001 г. был принят «план развития национальной морали»³⁸, объединяющий китайские традиционные ценности и основные социалистические ценности. На XVI съезде КПК в 2002 г. была начата реформа культурной системы Китая.

Хотя в явном виде термин «мягкая сила» не использовался в официальных документах руководства, руководитель отдела пропаганды КПК Лю Юньшань утверждал, что «стратегическое положение строительства культуры в документах руководящих принципов партии подчеркивает чрезвычайную важность строительства культуры... сила культуры становится важным компонентом интеграции национальной мощи и международной конкурентоспособности». С прицелом на «мягкую силу» реформа культурной системы была нацелена на то, чтобы сделать социалистическую культуру с китайскими особенностями мощным притяжением и вдохновением не только для китайского народа, но для людей во всем мире»³⁹. В речи перед Партийной группой по иностранным делам в январе 2006 г., председатель Ху Цзиньтао отметил, что «укрепление международного статуса Китая и его международного влияния должно быть отражено как в жесткой силе, включая экономику, науку и технику, так и в силе национальной обороны, а также в мягкой силе, такой как культура».

Официальная санкция руководства на мягкую силу и ключевая роль культуры были закреплены, когда этот термин был включен в рабочий доклад Ху Цзиньтао XVII съезду КПК в октябре 2007 г. Ху Цзиньтао сказал: «Культура все больше становится важным источником национальной сплоченности и творчества и важным фактором в конкуренции общей национальной силы... Китай должен усилить культурную «мягкую силу» страны» [Вэньхуа руаньшили]⁴⁰. Таким образом, китайское руководство признало важность мягкой силы в достижении всеобъемлющей национальной мощи, и принял господствующее академическое мнение, что ядром мягкой силы является культура.

---

³⁷ *Jing Wang*. High Culture Fever: Politics, Aesthetics, and Ideology in Deng's China. Berkeley: University of California Press, 1996. Pp. 112–134.

³⁸ Ministry of Education of China. Implementation program for the construction of civic morality. Электронный ресурс: http://www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_61136.htm. Дата обращения: 26.04.2020.

³⁹ *Liu Yunshan*. Hold High the Banner of Advanced Culture // *Renmin Ribao*. December 11, 2002.

⁴⁰ Hu Jintao's Report to the 17th Party Congress // *Xinhua*. October 24, 2007.

Для КПК это укрепило важность построения социалистической основной системы ценностей, которая может укрепить «сплоченность китайской нации». Именно на основе этой объединяющей направляющей идеологии «Китай может расширить свою культурную мягкую силу за рубежом»⁴¹. По словам одного из ведущих китайских ученых, «официально и неофициально развитие мягкой силы страны рассматривается как неотложная задача и находится на первом месте в списке приоритетов Китая».

На практическом уровне, это означало увеличение *государственного финансирования* для развития культурных ресурсов мягкой силы Китая внутри страны и ее экспансии за рубежом.

В 2004 г. Государственный совет создал руководящую небольшую группу для наблюдения за созданием институтов Конфуция (СНГ), которым поручено распространять китайскую культуру и язык по всему миру. Первый институт в Соединенных Штатах был создан в Университете Мэриленда в 2004 г.; к 2010 г. в Соединенных Штатах насчитывалось более 40 институтов Конфуция, а в 75 других странах мира – 260. Были также выделены средства на проведение ряда масштабных культурных мероприятий и международных обменов, включая проведение Года Китая во Франции (2003), Года Китая в России (2007), крупных выставок в Соединенных Штатах и Великобритании, а также Пекинской Олимпиады в 2008 г. и Шанхайской выставки в 2010 г.

Сообщалось, что центральный бюджет культурных мероприятий в 2006 г. вырос на 23,9 % по сравнению с 2005 г. и достиг 12,3 млрд юаней. Бюджет дипломатических расходов на деятельность по развитию «мягкой силы» в 2007 г. должен был вырасти на 37,3 % до 23 млрд юаней⁴².

Министерство иностранных дел также рассматривает вопрос о создании Управления по координации общественной дипломатии. При Управлении государственной дипломатии и общественных связей Государственного департамента. Правительство также поддержало изучение тем, связанных с мягкой силой, и поручило ведущим аналитическим центрам Китая провести соответствующие исследования. В лекции, прочитанной для 25 членов Политбюро ЦК КПК, политолог Ли Чунфу отметил, что с момента вступления в должность «Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао придавали все большее значение изучению социальных наук со стратегической точки зрения,

---

⁴¹ 17th Party Congress Demands Boosting Cultural Creativity 'Soft Power' // Xinhua. December 28. 2007.

⁴² Soft Power. A New Focus at China's Two Sessions // Xinhua. March 14. 2007.

рассматривая их как важную составную часть «мягкой силы» страны и продолжая озвучивать призыв к возрождению мягкой силы Китая»⁴³.

В 2006 г. руководство страны выпустило пятилетний план культурного развития. План посвящает целую главу стратегии развития китайской культуры, призывая средства массовой информации и институты культуры к «расширению охвата китайской культуры и ее международного влияния». Отмечая, что культурная мягкая сила страны зависит не только от ее привлекательности, но и от того, «обладает ли она сильными пропагандистскими методами и сильными пропагандистскими возможностями», Китай стремится «сформировать общественное мнение соразмерно международному статусу Китая»⁴⁴.

В январе 2007 г. в престижном Университете Фудань состоялась встреча высокого уровня, на которой обсуждалась стратегия по связям с общественностью для продвижения мягкой силы Китая. По данным газеты «South China Morning Post», правительство выделило 45 млрд юаней на поддержку СМИ. Международный телевизионный канал CCTV 9, который ведет круглосуточное вещание на английском, испанском и французском языках, планирует новые услуги на русском и арабском языках. Государственное информационное агентство «Синьхуа» планирует открыть еще несколько бюро за рубежом. «В 2011 году на VI пленуме ЦК Китайской коммунистической партии 17-го созыва... Миссия заключается в повышении эффективности и культурного показателя так называемой мягкой силы. Страна испытывает упадок морали и нравственности и увеличила привлекательность китайской культуры за рубежом».

Нынешнее руководство КНР во главе с председателем Си Цзинпинец продолжило успешно развивать идеи «культурной мягкой силы» Китая в мире, основанное на внутренних успехах и национальном согласии. С другой стороны, успешная международная политика, основанная на культурных инструментах «мягкой силы», может и должна, по мысли китайских политологов, способствовать внутреннему развитию государства. Не случайно, председатель Си Цзинпинец выдвинул такую форму реализации культурной политики Китая, как концепция «китайской мечты», которая бы направлена как на активное создание положительного международного имиджа страны, способствующего инвестициям, торговле и производству, и, одновременно, стала бы

---

⁴³ Central Leadership Attaches Importance to Soft Power // Wen Wei Po. October 4. 2006.

⁴⁴ 17th Party Congress Demands Boosting Cultural Creativity 'Soft Power // Xinhua. December 28. 2007.

фактором единения китайской нации, укрепления власти и сплочения всех слоев населения вокруг руководства, то есть стала бы «одновременно инструментом как внешней, так и внутренней политики»⁴⁵. Как пишет российская исследовательница С. Распертова, «очевидным является тот факт, что за последние годы быстрыми темпами происходит распространение «мягкой силы» страны за пределы государства, которое наиболее явно ощущается в сфере культуры. Об этом свидетельствуют повышение привлекательности китайской культуры в мире...»⁴⁶.

В целом, в краткосрочной перспективе политика мягкой силы Китая, скорее всего, останется в основном направленной на борьбу с идеей «китайской угрозы» и сосредоточенной на продвижении культурной мягкой силы. Однако в долгосрочной перспективе картина выглядит менее определенной. Уже давно звучат призывы в Китае «сформулировать всеобъемлющую стратегию построения мягкой силы нации»⁴⁷ и уделять больше внимания политике, внешней политике и институтам в продвижении «мягкой силы» Китая. По мере того как Китай расширяет национальную мощь и берет на себя ведущую роль на международной арене, внутри страны разгораются споры о том, следует ли продвигать китайские социалистические ценности в качестве альтернативы западным ценностям и следует ли экспортировать китайскую модель развития. Со временем возможна более активная китайская политика мягкой силы.

---

⁴⁵ Гарбарт М. И. Указ. соч. С. 50.

⁴⁶ Распертова С. Ю. «Китайская мечта» как культурная стратегия КНР по повышению «мягкой силы» государства на международной арене // Вестник МГЛУ. Выпуск 13 (724). 2015. С. 113.

⁴⁷ Shen Guofang. The Theory of Harmonious World and China's New Diplomacy // Shijie Zhishi. July 1. 2007.

1.3. Пропаганда китайского языка и развитие науки как инструменты «мягкой силы»

КНР.

Как отмечает российский исследователь Н. В. Морозова, «язык любого государства динамически развивается на фоне происходящих в обществе социальных и политических изменений, становясь инструментом борьбы за политическую власть и воздействия на общественное сознание»⁴⁸. Китай с древности обладает особым способом социализации исторических фактов, трансляции истории и ее влияния на политические и общественные явления. Эта особенность китайской цивилизации выражается, в частности, в том, каким образом создается и исторически сохраняется или видоизменяется язык политики, как культурные инварианты, исходящие из исторической традиции, влияют на современные политические практики, в том числе, практики, связанные с модернизацией внутренней и внешней политики. Российский политолог В. В. Виноградов в своей монографии, посвященной анализу китайской модели модернизации, утверждает, что «классический китайский философско-политический язык является до сих пор базисом формирования нового политического языка, который адекватно отражает современные реалии модернизирующегося Китая понятным для населения способом»⁴⁹.

Это показывает неразрывную связь древних культурных традиций китайского общества с требованиями современного глобального мира. Об этом же пишет А. В. Бояркина, когда утверждает, что «начиная с эпохи Конфуция, традиционная культура Китая и китайский язык оставались едиными. Лаоси и Мензи являются эффективными инструментами для реализации «мягкой силы» современной внешней политики Китая».

Китайский язык и его традиционные иероглифы считаются основой китайской цивилизации в Китае, неотъемлемой частью патриотизма в контексте глобализации и гарантией сохранения национальной идентичности, то есть имеет определенно политическое и идеологическое значение, что особенно важно в условиях современной глобализации и общемирового экономического и культурного давления атлантической цивилизации и английского языка.

Быстрое экономическое развитие Китая, начиная в 1990-х гг., усилило внимание руководства КНР к «языковой проблеме». В 2000 г. Ли Даю, заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР за

---

⁴⁸ Морозова Н. В. Роль языка в политическом дискурсе КНР // Историческая психология и социология истории. № 1. 2016. С. 72–85. С. 72.

⁴⁹ Виноградов В. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008. С. 34–36.

границей, сделал заявление о всемерной поддержке дела обучения китайскому языку за рубежом, а первым стратегическим направлением объявил поддержку обучения представителей бизнеса, имеющего дело с Китаем. Депутат ВСНП Ху Юцин тогда же отметил, что изучение китайского языка помогает укрепить национальную силу и является способом развития мягкой силы Китая.

В результате практической реализации этих политических установок в 2005 г. Министерством образования КНР были учреждены первые 32 Института Конфуция, начавшие работу в 23 странах мира. К 2008 г. почти в 3500 учебных заведениях во всем мире изучали китайский язык. Эффективность этого направления показывает тот факт, что в 2010 г. количество Институтов Конфуция выросло до 282, а классов – до 251. В 2013 г. директор Центрального штаба Институтов Конфуция Сюй Линь поставил задачу довести число Институтов Конфуция в мире до 1000, охватив при этом 500 крупнейших мировых городов⁵⁰. В 2016 г. в России функционировали 22 Института и класса Конфуция.

Также усилился интерес к лингвистическим исследованиям в самом Китае.

Другим направлением развития культурно-языкового сотрудничества Китая с другими странами, является увеличение числа китайских студентов в зарубежных странах. Это должно служить не только овладению китайскими студентами иностранными языками и повышению общей информированности, в том числе в различных областях науки, но и стать фактором воздействия культуры Китая в мире и обеспечения развития сотрудничества научного и экономического «на равных». Этому служит также политическая линия, направленная на то, чтобы китайские студенты, обучающиеся за рубежом, возвращались на родину, где им предлагается успешная карьера в соответствии с полученным за границей образованием.

Юй. Джихай, бывший в 2012 г. заместителем директора Департамента международного сотрудничества и обменов Министерства образования Китайской Народной Республики, отметил: «Что касается количества студентов, обучающихся в других странах мира, Китай уже на лидирующей позиции в мире»

Новое поколение китайского руководства во главе с Си Цзиньпином продолжает активную политику усиления роли китайского языка как в реализации внутривластного принципа «китайской мечты», так и в развитии китайского влияния в мировой экономике, политике и сфере международной безопасности. Как пишет

---

⁵⁰ *Gil Jeffrey*. China's Confucius Institute Project: language and soft power in world politics // *The Global Studies Journal*. Melbourne, 2009. Vol. 2. No. 1. P. 59–72. P. 63.

российский исследователь С. Ю. Распертова, «в настоящее время десятки миллионов человек в мире изучают китайский язык, его преподавание ведется более чем в 100 странах. Такая ситуация в полной мере отвечает целям китайской культурной стратегии «выхода за пределы», включая распространение знаний о Китае по всему миру»⁵¹. Политика по распространению языка в мире является важной частью, заявленной в последние годы в КНР политики по реализации программ «китайской глобализации» и «могущественного Китая».

Большое значение в международной политике КНР занимает культурно-образовательное сотрудничество с Российской Федерацией. Это сотрудничество имеет богатую историю, начиная с периода образования КНР в 1949 г. В настоящее время оно обретает новые аспекты и новые перспективы. Так, с 2017 г. успешно действует совместный российско-китайский университет МГУ–ППИ (Московского государственного университета и Пекинского политехнического института), в котором на 2018 г. работало 34 преподавателя МГУ и обучалось более 250 бакалавров и магистров⁵². В сентябре 2018 г. экс-министр просвещения РФ О. Васильева сообщила, что «в России 19 тыс. школьников в 130 школах изучают китайский язык» . Как отмечается в докладе Российского совета по международным делам «Российско-китайский диалог: модель 2019», в 2019 г. китайский язык стал частью системы государственной итоговой аттестации (ГИА) по образовательным программам среднего общего образования (ЕГЭ) как пятый иностранный язык по выбору». Китайские источники сообщают, что «в России китайский язык изучали в 2019 г. около 30 тыс. студентов в 230 вузах и 17 тыс. детей более чем в 80 средних школах».

Интенсивное развитие экономики КНР в последние десятилетия остро поставило вопрос о формировании в Китае современной научной и научно-технологической системы, соответствующей общемировым стандартам. Как пишет И. И. Осинский, Становление современной китайской науки обычно связано с созданием первой группы университетов – Тяньцзинского (1895), Пекинского (1898), Нанкинского (1902), Фуданьского (1905), Циньхуа (1912). В середине XX в. основным партнером Китайской Народной Республики в области науки и технологий стал СССР, обеспечивший как основу китайской безопасности, предоставлением военных технологий, так и базу для

---

⁵¹ *Распертова С. Ю.* «Китайская мечта» как культурная стратегия КНР по повышению «мягкой силы» государства на международной арене // Вестник МГЛУ. Вып. 13 (724). 2015. С. 113.

⁵² Россия и Китай подписали протокол об увеличении обмена учащимися // Российское образование. 30 октября 2018 г.

развития китайской науки. Однако негативные явления как в КНР, так и в СССР, приведшие к прекращению тесных дружественных отношений в конце 1950-х гг. затормозили это развитие.

Основа на собственный потенциал в политике КНР стала важной вехой в реформировании системы науки в КНР. В 1978 г. Дэн Сяопин отметил, что именно наука и техника являются главной производительной силой государственной экономики. В принятой правительством «Программе четырех модернизаций»⁵³ отмечалось необходимость политики максимальной открытости Китая для мирового технологического опыта, использование передовых достижений науки в сочетании с собственным путем развития страны». Ускоренное развитие науки в 1980-х гг. обеспечило взрывной рост экономики в последующие годы. Решение о реформировании системы управления наукой и техникой, принятое в 1985 г., расширило возможности органов местного самоуправления в области инноваций и создало предпосылки для расширения сотрудничества исследовательских институтов, университетов и предприятий в области развития высоких технологий.

Китай, начав с освоения мирового научно-технологического опыта и его приспособления к китайским условиям, в настоящее время стал мощной научной державой, разработки китайских ученых сегодня на равных конкурируют с самыми передовыми мировыми образцами. Научная «мягкая сила» Китая стала в последние годы серьезно беспокоить лидеров глобальной экономики, в первую очередь США, о чем говорят попытки на уровне правительства США ограничить влияние китайских технологических корпораций «Хуавей» и «ZTE». В области современных технологий Китай уже обогнал ведущие развитые страны Запада. Количество регистраций полезных моделей в Китае существенно неравномерно : на них приходится более 90% мировых показателей. Около 50–55% промышленных образцов, зарегистрированных по всему миру, также находятся в Китае.

Увеличивается и число собственно научных разработок, в том числе в области фундаментальных наук. На это указывает показатель индекса цитируемости публикаций китайских ученых. «Как свидетельствует Информационный центр, количество научных публикаций, включенных в систему индекса научного цитирования (SCI), за период 2012–2016 гг. по сравнению с периодом 2007–2011 гг. увеличилось с 622 тыс. до 1 245 тыс.»

---

⁵³ The Four Modernizations of China. Электронный ресурс: <https://apps-node2.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/ю>. Дата обращения: 18.05.2020.

При этом следует отметить, что политика КНР в области языка способствует встраиванию китайской науки в общее глобальное научное пространство, усиливает роль КНР как ведущей современной державы, использующей в своем влиянии факторы «мягкой силы» по широкому спектру направлений. Как пишет Н. В. Морозова, «сформулированная китайскими лидерами в 2005 г. концепция «гармоничного мира» утвердила статус Китая как субъекта идеологии мирового развития, соединив традиционное представление о том, что «мир – большая драгоценность», с современной международной обстановкой»⁵⁴. Политика КНР в области культуры, образования и науки является органичной частью концепции «гармоничного мира» и существенно способствует позитивному имиджу Китая на международной арене и дает надежду внутри страны на реализацию «китайской мечты» – построению стабильного, сильного и успешного общества и государства.

---

⁵⁴ Морозова Н. В. Указ. соч. С. 83.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

2.1. Система образования в КНР: история и современное состояние

Современное высшее образование в Китае, ведет исторический отсчет с 1895 г., когда был основан первый современный Университет Бейян в Тяньцзине. Далее последовало основание Академии Сиши в 1897 и Университета Дзиньши. Однако социальные потрясения начала XX в. и японская агрессия в 1930–1940-х гг. серьезно затормозили развитие образования в Китае. К этому времени в стране насчитывалось 205 высших учебных заведений, в которых училось 120 тыс. студентов⁵⁵.

В период создания КНР основная масса китайского населения была неграмотной. Полностью неграмотными были 80% китайцев. В 1949 г. в Китае число учеников в школах составляло 11,7 млн. Но в том же году «была принята стратегия единой системы образования. В 1949–1957 гг. разработаны единые программы обучения и учебные материалы, увеличены расходы на образование. Сотрудничая с Советским Союзом, Китай достиг положительных сдвигов в сфере образования»⁵⁶. Китайское высшее образование вступило в период ускоренного развития.

В начале 1950-х гг. именно СССР помог КНР осуществить реструктуризацию ~~евоей~~ образовательной системы. «Следуя советской модели, китайское правительство приняло ряд мер по реформированию высших учебных заведений с целью «развития специализированных институтов и укрепления университетов с упором на развитие талантов и преподавателей, ориентированное на определенные отрасли». Как пишут российские исследователи, «в 1949–1959 гг. в школах и вузах Китая работали более 760 преподавателей из СССР, которые помогли организовать 337 учебных кафедр и около 560 научно-образовательных лабораторий. В Советском Союзе получили образование более 10 тыс. студентов из КНР»⁵⁷.

К 1957 г. в Китайской Народной Республике работали 229 вузов, – в том числе 17 общеобразовательных университетов, 58 академических университетов, 44 политехнических институтов, 37 медицинских школ, 17 художественных школ, 8

⁵⁵Успехи китайского образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://edu.ifeng.com/news/detail_2011_01/19/4345867_0.shtml. дата доступа 15.03.2020.

⁵⁶ Осинский И. И. Указ. соч. С. 9.

⁵⁷ Семенова С. С. Образование в Китае: история и современность // Вестник ТГПУ. 2012. № 5. С. 126.

языковых учебных заведений, 6 учреждений физического воспитания, 5 финансово-экономических институтов, 5 политических колледжей и юридических институтов .

Попытка искусственного увеличения числа учебных учреждений (до 1289 к 1960 г.) столкнулась с нехваткой квалифицированных кадров, и к 1965 г. число высших учебных заведений было сокращено. С 1967 по 1976 год на развитии системы образования КНР негативно сказались события Культурной революции. Количество студентов сократилось с 674 400 до 47 800 человек, серьезно снизилось качество образования. Был закрыт Пекинский педагогический университет и многие другие педагогические институты, преподаватели были направлены в сельскую местность в трудовые лагеря. Не случайно, Цзин Ли в книге называет этот период *«Потерянное десятилетие»*. Миллионы молодых людей были разбросаны по деревням, ожидая очереди на получение высшего образования, им нужно было быстро обновить теоретические знания, чтобы сдать первый вступительный экзамен.

В 1977 г. новый руководитель КНР Дэн Сяопин принял решение о восстановлении и развитии системы образования. Выступая в марте 1978 г. на открытии «Национального симпозиума по науке и технике» в Пекине, он сказал, что «основание для успешного развития науки и техники заключается прежде всего в образовании»⁵⁸. С этого времени принято говорить о начале реформирования и модернизации китайской системы образования.

Чэн Чжаоин выделяет четыре основных этапа реформирования *образовательной системы* с 1977 по 2008:

- 1978–1985 гг. – мобилизации и формирования плана реформы;
- 1985–1993 – начальный этап реформирования системы образования;
- 1993–1998 – в соответствии с требованиями рыночной экономики;
- 1999–2009 – углубленного реформирования системы образования и комплексного развития качественных характеристик.

В результате проведенных реформ были восстановлены система перехода из средней школы в университеты и приема в университеты, профессионального образования выпускникам было гарантировано получение квалифицированной работы в сфере образования.

---

⁵⁸ Shen A. P. Teacher Education and National Development in China // Journal of Education. 1994. Vol. 176. P. 57–71. P. 61.

В 1977–1979 гг. были проведены три общенациональных экзамена, в ходе которых из 18 млн претендентов получили право на дальнейшее обучение в вузах 880 тыс. молодых людей. Экзамены показали необходимость быстрее развития системы образования в КНР. В ходе последовавших реформ была создана целостная система китайского образования: в городских, сельских и поселковых дошкольных образовательных учреждениях дети обучаются в 9-летних общеобразовательных школах с 7 до 15 лет. Система образования получила соответствующее финансирование и подготовку кадров.

В конце 1970-х гг. была организована китайская Национальная ассоциация педагогики, велись работы в области истории и теории педагогики и образования в Китае. Началось издание педагогических периодических изданий: журналов «Цзя-оюй яньцзю», «Чжунго цзяюй бао» и др.

С 1980-х гг. были проведены новые реформы: структуры образования, управления и финансирования элементами системы образования, найма и трудоустройства квалифицированного персонала в образовательных учреждениях. 12 лет общего образования восстановлено.

Срок обучения в начальной школе – 6 лет, в неполной средней школе – 3 года и в средней школе старшей ступени – 3 года. Срок обучения в высшем учебном заведении ограничен 4 годами.

Дальнейшее развитие системы образования КНР было связано с его массовым внедрением в общество. В выступлении на XV съезде партии генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь отметил, что развитие и упадок государства зависят от степени образования его граждан, и каждый китаец, следовательно, является ответственным за всемерное развитие образования и просвещения⁵⁹. При реализации принципов управления «чиновники в сфере образования начали пробовать альтернативные методы формального образования, такие как выполнение домашних заданий в свободное время и дистанционное обучение».

В 1993 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли очередную Программу развития образования, в которой поощрялось всемерное участие общества в деле образования. План гласил: «Правительство, руководствуясь законодательными нормами, поддерживает все общественные организации, включая промышленные предприятия,

---

⁵⁹ История Китая: учеб. для вузов / Л. С. Васильев, З. Г. Лапина, А. В. Меликсетов, А. А. Писарев; отв. ред. А. В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, 2004. 751 с.

административные учреждения, местные органы власти и организации, массовые организации и отдельных лиц, участвующих в создании и управлении высшими учебными заведениями и поддерживающих реформу высшего образования» . К этому времени уровень массовой грамотности в Китае был серьезно повышен.

В новом тысячелетии система высшего образования КНР по абсолютным количественным показателям вышла на первое место в мире. К 2000 г. доля полностью неграмотных снизилась до 4 %, 18 % китайцев получили полное среднее образование. Прием в вузы увеличился с 4 % от числа молодых людей в 1990 г. до 22 % в 2005 г. Согласно прогнозам на 2020 г., если темпы роста системы высшего образования составят 3%, то прием в вузы увеличится до 38%, а при темпах в 4–5–6% достигнет 45–52–61% соответственно. Быстрое развитие высшей школы позволяет китайским специалистам говорить о том, что в стране начался переход от элитного высшего образования к массовому.

В 1990-х гг. Китай начал создавать ряд элитных высших учебных заведений на международного уровня. В 1995 г. был утвержден национальный «Проект 211»⁶⁰, в котором отмечены 3 направления работы: развитие современного и перспективного научного направления, реформа финансовой системы и государственная поддержка системы образования, а также всестороннее развитие инфраструктуры университетов. В «Проект 211» входят 116 крупнейших университетов Китая. В мае 1998 г. был принят «Проект 985» открыто 39 университетов. К середине 2000-х гг. обе программы полностью реализованы.

В середине 1990-х гг. по мере роста спроса Китая на высшее образование, Правительство решило увеличить количество высших учебных заведений и начало создавать частные университеты. В 1994 г. в КНР было зарегистрировано около 500 неправительственных и частных школ, но уже через четыре года их количество увеличилось до 4000⁶¹. Кроме этого, частные инвестиции могли на законных основаниях участвовать в финансировании государственных образовательных учреждений.

В 2002 г. на XVI Съезде Коммунистической партии Китая была поставлена задача – к 2020 г. построить в Китае «сяокан» - «общество малого благосостояния». Одной из задач в реализации главной цели был рост образованности, повышение доступности

---

⁶⁰ Project 211: A Brief Introduction. China Education and Research Network.

⁶¹ Шаров К.С. «Почти идеальная» система образования: китайский опыт. Часть 1 // Идеи и идеалы, № 1, 2014.

прежде всего в области высшего образования. С этого времени число абитуриентов в китайских вузах ежегодно увеличивается. Высшее образование в КНР вступает в этап массовой доступности, отвечающей нормам международного сообщества.

В августе 2000 г. Министерство образования КНР начало реализацию общенационального проекта «Мероприятий по повышению качества преподавания базового обучения» и предприняло ряд мер по улучшению преподавания и подготовке квалифицированных кадров. В 2003 г. Министерство образования Китая запустило «проект по оценке качества образовательного процесса и реформы высшего образования».

К 2007 г. Министерство образования совместно с Министерством финансов разработали комплекс документов «Проекта оценки качества»⁶² и приступили к его реализации. В 2000-х гг. 254 вуза провели масштабные курсы повышения квалификации преподавателей, и создали условия для последующего постоянного мониторинга качества образования.

В июле 2010 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая и Государственный Совет приняли «Среднесрочный и долгосрочный план реформы и развития образования на 2010–2020 гг.»⁶³, в котором были намечены стратегические цели дальнейшего развития системы образования: в 2011 г. начали принимать «ежегодный отчет о качестве образовательного процесса и реформе высшего образования».

Все эти меры были направлены на улучшение развития высшего образования в Китае. Целью этой миссии является получение высшего образования 35,5 млн человек к 2020 г. Согласно «Статистическому ежегоднику образования Китая за 2014 год», охват высшего образования в Китае достиг 35,59 млн человек. Другими словами, план был рассчитан на 10 лет, а китайское правительство выполнило его в течение 4 лет. Число абитуриентов, поступивших в вузы в 2016 г. составило 7,378 млн человек⁶⁴.

В программе «Национальная среднесрочная и долгосрочная программа реформы и развития образования на 2010–2020 гг.» была, в частности, отмечена необходимость приблизить некоторые китайские университеты к университетам мирового уровня, чтобы

---

⁶² Ministry of Education of China & Ministry of Finance of China. (2007). Suggestions of implementing the project of enhancing instructional quality and reforming teaching practice of undergraduate education in higher educations (in Chinese). [Электронный ресурс]: http://moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_1623/201001/xxgk_79761.html. Дата доступа 12.05.2020.

⁶³ Outline of China's National Plan for Medium and Long-term Education Reform and Development (2010-2020) 2010.

⁶⁴ Национальный план на 1977–2016 гг. для участия во вступительном экзамене в колледж и при поступлении? – CSDN Blog.

повысить конкурентоспособность Китая на мировом рынке образовательных услуг. Для реализации этой цели в 2012 г. была принята «Программы повышения инновационного потенциала высшей школы». Эти меры привели к увеличению в Китае числа университетских колледжей по западному образцу, первые из которых были организованы еще в 2002 г. К 2017 г. было создано 2914 таких колледжей⁶⁵.

Повышение уровня образования в Китае потребовало серьезной финансовой поддержки всей системы образования. Если в 1996 г. бюджет Министерства образования Китая составил 32,679 млрд юаней, то в 2016 г. финансирование выросло до 615,63 млрд юаней⁶⁶.

Увеличение доступности образования в Китайской Народной Республике привело к формированию одной из самых массовых мировых систем высшего образования. В настоящее время правительство КНР реализует инновационные образовательные проекты: высшее образование XXI в., план реформы учебных программ, а также проект реформы педагогического образования нового века.

Увеличивается количество и качество профессорско-преподавательских кадров в КНР. Число университетских преподавателей увеличилось с 395 тыс. в 1990 г. до 1,600 млн в 2016 году⁶⁷. «В 2010 г. среди преподавателей китайских вузов было 9,5% профессоров и 30% доцентов... В конце десятилетия во всех вузах работало 280 академиков АН Китая»⁶⁸.

Нормативной основой системы образования Китая является «Закон об учителях Китайской Народной Республики» (1993) , «Закон об образовании» (1995) , «План действий по укреплению образования в XXI веке» (1998) , «Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета по углублению реформы образования и всестороннему развитию образования и повышению качества студенчества» (1999) , «Закон Китайской Народной Республики об обязательном образовании (новая редакция)» (2006) .

---

⁶⁵ Ли Цзянки, Ся Сяосян: Статус-кво, проблемы и контрмеры развития высшего образования в Китае.

⁶⁶ Кузнецова В. В., Машикина О. А. Эволюция политики финансового обеспечения обязательного образования в КНР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. № 4. 2016. С. 17–30.

⁶⁷ Резюме количества учителей дневного отделения всех типов школ на всех уровнях в Китае с 1949 по 2008 год. [Электронный источник]: <https://wenku.baidu.com/view/6e82535d77232f60ddcca1fd.html> дата доступа 15.03.2020.

⁶⁸ Стражев В. И. Юбилей Китайской Народной Республики, к 60-летию образования КНР // Беларусь—Китай: Китай в современном мире: сб. науч. трудов. Вып. 8. Минск: Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2010. С. 21.

Данные акты способствовали формированию правовой системы социалистического образования с китайской спецификой, они направлены на развитие курса социалистической модернизации, основы которого были заложены еще в конце прошлого века.

Результаты реформ в области образования можно суммировать в следующих количественных показателях, достигнутых к 2019 г.:

- в Китае 2663 университетов, в которых учатся 38,33 млн студентов, среди которых около 7,90 млн являются первокурсниками;
- открыты программы аспирантуры, в которых учатся 858 тыс. студентов в 815 университетах;
- открыто 1167 вузов для взрослых, в которых обучаются 5,91 млн человек, в том числе, 2,73 млн первокурсников;
- в стране насчитывается 530 100 общеобразовательных средних школ высшей ступени с 39,34 млн учеников;
- в средних школах первой ступени по всей стране обучаются 154 млн человек, 94,8 % окончивших начальные школы поступают в средние школы;
- 44 китайских университета Китая вошли в число 500 лучших мировых вузов в Академическом рейтинге университетов мира (ARWU – 2015)⁶⁹. По данным Министерства образования КНР, за последние 20 лет Китай отправил в более чем 100 стран мира около 350 тыс. граждан и принял более 380 тыс. иностранцев⁷⁰.

Китай сегодня является одним из самых сильных центров образования в мире, обеспечивающим надежную интеллектуальную поддержку модернизации экономики и социальной сферы. От этапа элитного образования в императорском Китае до современного этапа массового образования произошел не только количественный скачок, но и качественный скачок как в содержании образования, так и в управлении образованием. При этом, государственная философия системы образования, методы управления, финансовая база продолжают реформироваться вместе с социально-экономическими и научно-технологическими изменениями в государстве и во всем мире.

---

⁶⁹ Высшее образование в Китае, 2018 год: [Электронный ресурс]: <http://www.allchina.ru/rus/edu/highedu.php> (дата доступа 15.03.2020).

⁷⁰ Хань Цзяхуэй, Растопчина Ю.Л. Исследование количественных и качественных характеристик образовательного рынка Китая // Научный результат. Экономические исследования. Т.4, №4, 2018.С. 26.

2.2. Современные проблемы китайского высшего образования и их решение руководством Китая

Несмотря на то, что система образования в КНР развивается и реформируется, благодаря чему возрастает качественно и количественно, но остаются проблемы, которые признает китайское руководство. Их решение является важной целью руководства КНР, определившего основные задачи для этого.

Министр образования Китайской Народной Республики Чжоу Цзы в предисловии к «Российско-китайским книгам 2007 года: реформа образования на рубеже XXI века: сравнительный анализ» определил следующие направления реформы образования Китайской Народной Республики: «На новом историческом этапе мы должны ориентироваться на осуществление образовательной деятельности на основе научных и эволюционных точек зрения и твердо придерживаться правильной политической линии и направления при организации новых образовательных учреждений.

Во-первых, неуклонно придерживаться приоритета развития образования и в полной мере реализовать стратегии «Омоложение страны с помощью науки и образования» и «Человеческая сила обеспечит власть страны»;

Во-вторых, полностью реализовать политику партии в области образования и различными способами повышать качество преподавания;

В-третьих, овладеть пониманием методов ведения бизнеса, идти в ногу со временем и реализовать гармоничное и здоровое развитие всех уровней и типов образования;

В-четвертых, продолжать углублять реформу образования, одновременно способствуя ее улучшению и развитию;

В-пятых, управлять образованием на основе закона, повышая роль управленческих функций в образовании»⁷¹.

Все пять пунктов программы указывают на определенные проблемы в области образования в Китае, требующих преодоления. Можно выделить следующие основные проблемы современного китайского образования, на которые указывает ряд ученых.

---

⁷¹ Россия – Китай: Образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв.: сравнительный анализ / Отв. ред. Н. В. Боровская, В. П. Борисенков, Чжу Сяомань. М., 2007. С. 7.

1. Проблема нечеткого позиционирования учреждений высшего образования.

Решение данной проблемы заключается в том, чтобы разработка политики образования учитывала не только внутренние факторы, но и требования общей социально-экономической политики, а также включала координацию между различными государственными органами.

Нечеткая классификация и нечеткое позиционирование являются важными проблемами в современном развитии высшего образования в Китае. Имеются элитные учреждения, качество обучения в которых заметно выше рядовых. Также существует разрыв в качестве образования в вузах, ориентированных на стандартное преподавание и научно-исследовательскую работу, поскольку в последнем случае часто сокращаются образовательные ресурсы, что приводит к снижению его качества. Руководство образованием в КНР предложило каждому вузу создать научно-ориентированные и инновационные отделения, чтобы полностью использовать свои преимущества и адаптироваться к потребностям студентов на разных уровнях развития⁷².

Аспирант кафедры политологии и социологии Сюй Ли считает, что для того, чтобы решить эту проблемы необходимо подготовить мероприятия по более точному разделению задач между субъектами и участниками деятельности образовательной политики и усовершенствованию порядка регулирования и координации образовательных организаций государственного и негосударственного порядка через улучшение характера и свойств регулирования их деятельности.

Исследователь Се Вайхе уверяет, что есть необходимость серьезного улучшения разнообразных дополнительных учреждений образования для того, чтобы существовали общедоступные организации, куда могли бы обратиться представители всех пластов населения и быть услышанными. Ученый также считает, что следует подготовить подходящие распоряжения, законы и нормы, которые бы позволили привести в порядок и дать гарантии этим организациям права принимать решения управленческого характера в области образования.

Все это, по мнению, исследователя должно способствовать тому, чтобы система образования соответствовала как экономическим требованиям современного мира, так и социальным требованиям, к которым, в частности, относится осознание в обществе справедливости государственной системы, в том числе, образовательной.

---

⁷² Пан Юйюань. Ориентация, характеристики и качество высшего образования в Китае // Университетское образование. № 12. 2005. С. 6–8.

2. Проблема доступности и справедливости образования.

Право на образование является одним из базовых прав, декларируемым каждому гражданину Конституцией Китайской Народной Республики. Однако реформы образования в конце XX в. не всегда вели к реализации заявленного конституционного принципа. Так, в ходе принятия новой редакции закона «Об образовании» в 1996 г., в него был включен пункт о платном высшем образовании. Практика показала, что это привело к тому, что бюджетные места в вузах были вскоре сокращены в пользу платных. В настоящее время китайские колледжи и университеты являются в основном платными для студентов, и в первую очередь, это касается элитных вузов с повышенным качеством образования.

Более того, отмечается неравенство и в получении базового образования, особенно тревожит общество его низкий уровень в сельских районах, а также среди детей внутренних мигрантов из сельских местностей, зачастую слабо владеющих даже общекитайским языком.

Одновременно, как показывают некоторые оценки, количество незарегистрированных деревенских мигрантов составляет более 10% от числа жителей в некоторых больших промышленных городах Китая, например, в Шанхае, Нанкине, Сучжоу, Гуанчжоу, Ухане, Чжэньчжоу и Фучжоу, и образовательные возможности у потомков таких мигрантов довольно шатки.

Для того чтобы решить эту проблему, в 2012 г. Государственный совет Китайской Народной Республики решил предоставить детям мигрантов возможность получить высшее образование в месте, где они не постоянно проживают; но необходимо, чтобы их родители имели постоянную работу и место проживания и были застрахованны.

В настоящее время во многих образовательных учреждениях в Китае имеются ограничения по состоянию здоровья абитуриентов. Получению высшего образования зачастую препятствует инвалидность или наличие так называемых «социально опасных заболеваний», таких как гепатит. Подобная дискриминация в отношении студентов, нарушающая принцип равенства в доступе к образованию, лишь в последние годы стала объектом внимания общественности и государственных органов⁷³.

---

⁷³ Ян Дегуан, Чжан Син. Размышляя о справедливости и эффективности высшего образования // Труды Пекинского университета. 2003. № 1. С. 65–71.

На основании статистических данных Ван Шаньмай предложил оценочную систему определения реализации принципа справедливости в образовательной сфере⁷⁴. Она включает расходы, используемые на базовое фундаментальное обучение и государственное финансирование строительства образовательных учреждений, их снабжение и оборудование; расходы на гарантирование правильной пропорции учителей и учеников, на официальную структуру организаций образования.

Вступление Китая в эпоху массового образования требует соответствующей этой задаче реформы системы финансирования образования. Для решения этой проблемы в систему китайского высшего образования была введена схема совместного частно-государственного финансирования.

В 1997 г. почти 80% издержек на высшее образование были государственного происхождения, однако в 2004 г. процент участия государства в финансировании обучения сократился до 45%. Одновременно расходы на образование в период с 1997 по 2004 год стали больше в 3 раза, а финансовое благосостояние жителей сел и городов выросло всего в 1,5 и 2 раза соответственно.

Эти данные показывают, что проблема неравной доступности и несправедливости образования тесно связана с другой проблемой – общего повышения качества образования, независимо от территориального расположения и состава студентов. Об этом писал первый китайский социолог, обративший внимание на проблему соотношения принципа справедливости и качества образования – Тань Сунхуа. Свои взгляды на это соотношение ученый представил в 1994 г. в статье «Обсуждение вопросов справедливости в образовании Китая на современном этапе»⁷⁵. В ней он пишет, что «после того, как всеобщее образование будет достигнуто, справедливость будет означать, что каждый человек должен иметь возможность получить не просто образование, а высококачественное образование. Поэтому пока нет гарантии качественного образования, декларирование равных возможностей по факту зачисления в школу является лишь формальным проявлением истинной справедливости в сфере образования»⁷⁶.

---

⁷⁴ Ван Шаньмай. Система оценок и критерии справедливости в сфере образования // Бэйцзин шифань дасюэ сюэбао. № 3. 2008.

⁷⁵ Тань Сунхуа. Обсуждение вопросов справедливости в образовании Китая на современном этапе // Цзяюй яньцзю. № 6. 1994.

⁷⁶ Сюй Ли, Тенчурина Л. Проблемы справедливости в сфере образования КНР // Власть. № 10. 2013. С. 118.

3. Проблема различия в качестве высшего образования.

Эта проблема в настоящее время поднимается многочисленными аналитиками. Поэтому организациям, в которых обучается больше студентов, требуется больше субсидий для найма учителей и преподавателей и привлечения исключительно квалифицированных экспертов для обучения и реализации новых проектов, направленных на решение проблем студентов и общества. На Всемирном конгрессе высшего образования 2009 г. был распространен доклад под названием «Новый импульс для высшего образования и научных исследований: социальные трансформации и развитие». В этом заявлении говорится, что работа над возможностью доступа к высшему образованию сделает необходимым улучшение качества преподавания и методологической базы, следовательно, гарантия качества высшего образования превращается в существенный фактор в данных условиях.

В апреле 2011 г. председатель Ху Цзиньтао отметил, что поддержание качества является фундаментальной необходимостью в предоставлении высшего образования. Подчеркивается значение реформирования учебных программ, повышения качества преподавания, чтобы обеспечить выпускникам колледжа знания и навыки, необходимые в современном быстро меняющемся мире.

Таким образом, придерживаясь плана совместного частно-государственного финансирования обучения, было решено разработать мероприятия для определения разумного максимума расходов на образование и создать структуру бюджетной помощи, которая дает равные шансы для студентов из финансово неблагополучных территорий Китая. В марте 2013 г. Министерство образования КНР одобрило акт, созданный в 2012 г., под заголовком «Замечания о всестороннем повышении качества высшего образования»⁷⁷, который характеризует тридцать фундаментальных задач, выявленных в связи с улучшением характера образования в Китае.

Тем не менее, чтобы перевести планы и теории в конкретные образовательные мероприятия, необходимо согласованная работа на всех уровнях образовательной системы. Сегодня в КНР признается, что китайское образование должно трансформироваться из традиционного режима с тем, чтобы быть способным реагировать на новые условия на быстро меняющемся рынке труда. Для развития навыков,

---

⁷⁷ Министерство образования КНР. Замечания о всестороннем повышении качества высшего образования [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gov.cn/zwgk/2012-04/20/content_2118168.htm (дата обращения 19.08.2015)

необходимых для современной глобальной экономики, требуется, чтобы система образования в Китае была конкурентоспособна на мировом уровне.

4. Проблема повышения международной конкурентоспособности китайского образования.

Поскольку в современном мире страны существуют в контексте глобальной экономики, это создает конкуренцию, поэтому уровень подготовки и образования должен постоянно расти, приспосабливаясь к новым конкурентным условиям. Несмотря на внутренние количественные достижения современного образования в КНР, на международном уровне оно до сих пор не достигло необходимых для конкурентоспособности стандартов. «В настоящее время в Китае обучается менее 10 процентов от всех иностранных студентов в мире»⁷⁸.

В условиях глобализации китайское образование находится в относительно слабой позиции в конкуренции с высшим образованием в Европе и Соединенных Штатах. Прежде всего это выражается в том, что именно западноевропейские и американские университеты привлекают значительное число перспективных студентов из других стран, особенно в области современных технологий и перспективных фундаментальных исследований, в то время как китайские университеты пока что привлекают в основном иностранных студентов, заинтересованных в экономических и торговых отношениях с Китаем, но не в овладении китайской наукой и другими культурными достижениями. Исключение составляют лишь институты, ориентированные на историческую культурологию и китаеведение, которые вполне конкурентоспособны и на международном уровне⁷⁹.

4 мая 2014 г. во время визита в Пекинский университет Председатель КНР, генеральный секретарь Си Цзиньпин указал на необходимость превращения китайских вузов в университеты мирового уровня при сохранении китайских особенностей и традиций.

Цюй Чжэньюань, председатель Ассоциации высшего образования Китая, отметил, что иностранные методики должны эффективно использоваться для превращения ведущих университетов в учебные заведения мирового класса. К таким модернизационным мероприятиям можно отнести:

---

⁷⁸ *Andrys Onsmann*. Why do international students go to China? // University world news/ 25.10.2013: [Электронный ресурс]: URL: <http://bit.ly/AO84Kr1> (дата доступа 15.03.2020).

⁷⁹ Исследовательская группа, Исследовательский центр конкурентоспособности и оценки, Китайский университет Жэньминь. Стандартный отчет о развитии конкурентоспособности 2001. Темы развития в XXI веке. Пекин: Renmin University of China Press, 2001.

- повсеместная популяризация высшего профессионального образования (увеличение круга применения, изменение социальных задач высшего образования);
- «приватизация» обучения, то есть увеличение сегмента частных колледжей, получение инвестиций не от государственного субсидирования, а от частных лиц;
- постепенный переход к адаптивным профессиям, разработка индивидуальных методологий для обучения, «мультикомпетентному» подходу;
- разработка новых видов обучения – «виртуальные» вузы, бизнес-колледжи и т. д.;
- изменение технологий в образовании;
- разбавление научной функции университетов коммерческой;
- интернационализация, организация всемирного пространства для образования.

Все эти тенденции в основном учтены в последних реформах китайской системы образования, и им придается особое значение в практике образовательных учреждений. В настоящее время административная, финансовая и техническая поддержка приоритетных университетов, деятельность которых рассчитана на повышение международной конкурентоспособности, ведется гораздо больше, чем других вузов. Однако это приводит к другой проблеме системы образования.

ГЛАВА 3. РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВЕКТОРА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ КНР

3.1. Интернационализация образования как инструмент «мягкой силы» в современной геополитике КНР

В XXI в. большинство ведущих мировых держав осуществляли реформы национальных систем образования, одной из целей которых была интернационализация. КНР, как динамично развивающаяся экономика, все теснее встраивающаяся в глобальные процессы производства и обмена, также осознает необходимость для своей образовательной системы активно участвовать в общемировых процессах и становиться ведущим компонентом «мягкой силы» государства. Требования экономики, ориентирующейся на мировой рынок, ведут к тому, чтобы образовательные стандарты в КНР также соответствовали мировым. Более того, понимая, что исторически Китай отстает от современных мировых лидеров, чьи образовательные системы развивались и долгое время были передовыми, китайские лидеры осознавали, что стране требовалось активно применять иностранный опыт и ресурсы в сфере образования. Это понимание нашло отражение в стратегии «привлечения иностранного», прежде всего в области научных разработок и в области образования.

Кроме того, как пишет И. Г. Актамов, модернизация и интернационализация обучения в Китае заметно различаются с мировыми моделями. Изначально основным принципом является этический и религиозный строй, который проникает в любую сферу жизнедеятельности и, в первую очередь, в систему государственного управления. Также возможности экономики и науки Китая позволяют думать о Китае и конфуцианской этике как о другой модели мира в XXI веке.

Образование выступает инструментом международной политики страны на мировой арене. Расширение академических контактов влечет за собой интенсификацию отношений стран, расширение инвестиций, создание общих инициатив, и положительно влияет на сам процесс обучения для студентов.

Последние два десятилетия XX в. и начало XXI в. были отмечены процессом глобализации знаний и появлением «информационного общества» (Д. Белл⁸⁰.) Реакцией

---

⁸⁰ Белл Д. Социальные рамки информационного сообщества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342; *Он же*. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; Пер. с англ. М.: Academia, 2004. 940 с. (Добавьте в список литературы).

на происходящие изменения стала *интернационализация образования* (Ф. Альтбах, У. Тэйчлер⁸¹ и др.).

По мнению Дж. Найта⁸², интернационализация в высшем образовании — процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение. В то же время он рассматривает это явление как процесс интеграции международного аспекта в преподавательские, исследовательские и другие функции университета.

Х. де Вит⁸³ рассматривает интернационализацию как комплекс процессов, чей объединенный эффект, запланированный или незапланированный, направлен на усиление международного компонента в высшем образовании.

М. Харари⁸⁴ включил в определение интернационализации высшего образования три элемента: наличие международного компонента в содержании учебных планов и программ; международную мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава; наличие программ технического сотрудничества и взаимопомощи.

Национальный план реформирования и развития системы образования, принятый правительством Китая в 2010 г., продемонстрировал основные направления, запланированные для расширения интернационализации китайского образования:

- увеличение количества иностранных студентов ;
- увеличение количества китайских правительственных грантов на обучение иностранным студентам;
- финансирование исследований, проводимых в Китае студентами не из Китая;
- рост количества образовательных программ, проводимых на иностранных языках в китайских вузах;
- улучшение качества обучения;
- реализация плана обучения китайских резидентов за границей с помощью государственного субсидирования;

---

⁸¹ *Altbach P., Teichler U. Internationalization and Exchanges in a Globalized University // Journal of Studies in International Education. 2001. P. 5–25; Он же. Global Perspectives on Higher Education // Johns Hopkins University Press. 2016. 332 p.; Он же. Глобальные перспективы высшего образования. /–пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Рябова; предисл. М. Юдкевич. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 548 с.*

⁸² *Knight Y. Higher Education in Turmoil. The Changing World of Internationalization. Rotterdam: Sense Publishers, 2008. 241 p.*

⁸³ *De Wit H. Measuring success in the internationalisation of higher education. EAIE Occasional Paper 22. Amsterdam, Netherlands: European Association for International Education (EAIE), 2009. P. 11.*

⁸⁴ *Harari, M. Internationalizing Education / M. Harari. Long Beach, Ca: California State University: Center for International Education, 1972. P. 17.*

- расширение глобальной мобильности студентов.

Стратегии политики в области образования имеют различия, обусловленные особенностями национальных и исторических факторов в разных странах. В современной образовательной политике КНР, как пишет А. М. Бобыло, можно выделить ряд направлений:

- привлечение студентов из других стран на образовательные программы в Китай;
- отправка жителей Китая в вузы за границей и, в том числе в рамках программ обмена студентами;
- формирование совместных проектов, организация взаимодействия с иностранными университетами.

Реализация первого пункта осуществляется в КНР при серьезной государственной поддержке – выделение грантов и личных стипендий для иностранных студентов, расширение списка академических программ, участвующих в международном обмене, привлечение крупных промышленных корпораций к реализации образовательных проектов и приему на работу выпускников. В 2006 г. в КНР проходили обучение около 140 тыс. студентов из разных стран, при этом большинство были из стран Юго-Восточной Азии⁸⁵. В 2012 г. число иностранных студентов выросло до 300 тыс, а число стран – до 188⁸⁶.

В марте 2015 г., как свидетельствуют данные Министерства образования, в КНР училось 377 054 зарубежных студента из 203 стран. Одновременно акцент делается на привлечении детей из деловых и научных элит разных стран, а также опытных студентов, которые подтвердили свои таланты в своих странах, для обучения в китайских вузах. Студентам, получившим гранты, не просто оплачивают расходы на образование и проживание, но дополнительно предоставляют ежемесячные стипендии в размере от 1300 до 3000 юаней в зависимости от программы. Закончив магистратуру или получив степень доктора, зарубежные студенты КНР, возвращаясь к себе в страны, получают хорошие позиции в социуме.

Второе направление также прогрессирует и получает государственную поддержку. В 2010 г. 300 тыс. студентов из КНР получали высшее образование в других странах, что явилось высшим показателем в мире. К 2015 г. их число увеличилось до 460 тыс. При

---

⁸⁵ *Wuthnow J.* The Concept of Soft Power in China's Strategic Discourse // *Issues and Studies* 44. No. 2. 2008. P. 13.

⁸⁶ New 2012 Project Atlas Trends and Global Data Fact Sheet // Institute of international education: {Электронный ресурс}: URL: <http://www.iie.org/Research-and-Publications/Project-Atlas> (дата обращения: 15.03.2020).

этом в 2014 г. 365 тыс. студентов, получивших образование вне Китая, вернулись работать на родину⁸⁷.

Ряд университетов Китая, начавших интернационализацию, признаны ведущими мировыми образовательными учреждениями. «В рейтинге лучших университетов Times Higher Education 2015 г. Китаю принадлежит 37 позиций из 800, что составляет почти 5%»⁸⁸. Во многом эти достижения стали возможны вследствие гибкой языковой политики КНР, в частности, при сохранении традиционной идеологии образования, значительное число совместных образовательных программ осуществляется на английском языке. Также происходит привлечение зарубежных преподавателей и ученых к чтению лекций и проведению занятий и совместных научных исследований в Китае⁸⁹.

Особое значение в интернационализации образования КНР придается сотрудничеству со странами региона Юго-Восточной Азии, поскольку именно в этом регионе руководство КНР стремится укрепить *евон* позиции и стать региональным лидером как в области экономики, так и в области международной политики. «Сегодня своеобразную геополитическую и экономическую, «мягкую» борьбу за умы и деньги абитуриентов ЮВА ведут США, КНР, Япония, Индия, Австралия и даже непризнанный Тайвань, но главное соперничество на рынке образовательных услуг все же стремится к локализации в «большой двойке» США – Китай»⁹⁰. С 2008 г. проводится ежегодная Неделя сотрудничества и обмена между КНР и странами АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) в сфере образования. В 2010–2015 гг. в рамках деятельности программ Недели обменов смогли получить образование более 3700 участников из 800 образовательных учреждений из Китая и стран АСЕАН. Также состоялось подписание 370 соглашений о сотрудничестве и меморандумов о взаимопонимании⁹¹. Более широкий круг стран участвует в Совещании по развитию образовательного и исследовательского сетевого взаимодействия. Так, в 2016 г. в нем приняли участие представители десяти стран Юго-Восточной Азии⁹². Как отмечают исследователи, Китай в период 2005–2017 гг. стал успешно конкурировать в сфере образования в регионе с США, Европейским Союзом,

---

⁸⁷ Number of Chinese outbound students up by 11% in 2014 // ICEF Monitor. 2015. March, 31: [Электронный ресурс]: URL: <http://monitor.icef.com/2015/03/number-of-chineseoutbound-students-up-by-11-in-2014/> (дата обращения: 15.03.2020).

⁸⁸ Бобыло А. М. Указ. соч. С. 22.

⁸⁹ Актамов А. Г. Указ. соч. С. 234.

⁹⁰ Муратишина К. Г., Иванова А. Е. Сотрудничество Китая со странами ЮВА в сфере образования как проявление политики «мягкой силы» и средство решения ключевых внешнеполитических задач // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XXXV. № 35. 2017. С. 58.

⁹¹ Муратишина К. Г., Иванова А. Е. Указ. соч. С. 61.

⁹² Там же.

Японией, Австралией и Новой Зеландией, ранее монополизировавших эту сферу⁹³. Как отмечает А. Г. Актамов, странам ЮВА «в качестве альтернативы западному индивидуализму Китай предлагает свой путь внешнеполитических отношений, основанный на социально-политическом коллективизме, который предполагает мир, дружбу и гармонию между странами»⁹⁴. В этих странах к 2008 г. был открыт 21 Институт Конфуция, в которых проходили обучение более 20 тыс. студентов. В 2014 г. в 10 странах ЮВА работало 32 Института Конфуция⁹⁵.

Институты и классы Конфуция представляют собой уникальную образовательную систему, ориентированную на интернационализацию китайской системы образования.

Всемирная образовательная система Институтов Конфуция берет свое начало в 1987 г., когда официальным постановлением правительства Китая был создан Совет по распространению китайского языка за рубежом с постоянно действующим руководящим органом – Канцелярией Совета (Ханьбань). В рамках деятельности Совета по распространению китайского языка за рубежом в 2004 г. было принято решение о создании в различных странах Институтов Конфуция как реализация стремления повышения интереса к китайскому языку и культуре во всем мире и поддержке идеи мультикультурализма – залога осуществления гармонизации международных отношений⁹⁶. При разработке проекта был использован международный опыт европейских образовательных структур – российского Института русского языка им. А. С. Пушкина, германских Институтов Гете, испанских Институтов Сервантеса, аналогичных структур Британского Совета. Первый Институт Конфуция был открыт в столице Республике Корея Сеуле.

Филиалы Институтов Конфуция создаются при помощи и согласии зарубежных университетов. Основным условием для такой организации является существование университета-партнера из Китая. Китайские профессионалы оказывают методологическую, организационную и управленческую помощь в распространении китайского языка и культуры в месте, где располагается отделение. Как бы то ни было, фундаментальным фактором является экономическая помощь от Ханьбань. Классы Конфуция проводятся на базе школ общего образования.

---

⁹³ Русакова О. Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. Т. 118. № 3. 2013. С. 54.

⁹⁴ Актамов А. Г. Указ. соч. С. 232.

⁹⁵ China, ASEAN vow further cooperation in education // China Daily. 4.08.2015.

⁹⁶ Confucius Institute online. [Электронный источник]: <http://www.chinesecio.com/> (дата доступа 15.03.2020).

В Институты и классы Конфуция направляются для преподавания китайские специалисты, владеющими родным и иностранным языками. В каждой стране создаются свои методические материалы, приспособленные к соответствующей образовательной системе. Финансирование системы производится централизованно Канцелярией Совета по распространению китайского языка за рубежом, выделяющего ежегодно сумму в 100 тысяч долл на деятельность каждого Института Конфуция, и чуть меньшую сумму – на работу классов⁹⁷. Это говорит о том, что реализация культурно-образовательного потенциала китайской мягкой силы непосредственно определяется государством и руководством КНР.

В рамках работы учреждений происходит не только обучение китайскому языку по ряду программ разной степени сложности, но и «организуются культурные мероприятия, предлагаются студенческие и преподавательские стажировки в КНР, проводятся консультации по поводу обучения в КНР»⁹⁸.

По состоянию конец 2018 г. Институты Конфуция действовали в 154 странах, были созданы 548 офисов, 1 193 класса Конфуция, 147 странах во всех регионах мира:

- в 34 государствах Азии – 126 офисов;
- в 43 странах Африки – 59 офисов;
- в 41 стране Европы – 182 офиса;
- в 24 странах Америки – 160 офисов;
- в 5 странах Океании – 21 офис.

Классы Конфуция также открыты на всех пяти обитаемых континентах в 83 странах мира⁹⁹.

С. В. Михневич выделяет сопутствующие последствия создания институтов и классов Конфуция в качестве инструментов мягкой силы» КНР:

- структура является мощным механизмом для расширения социального воздействия китайского языка на планету;
- объединяет разумную, разноуровневую структуру руководителей и системный подход;

---

⁹⁷ *Абрамов В. А.* Императивный потенциал «мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР // Вестн. ЧитГУ. 2010. № 3 (60). С. 12.

⁹⁸ *Леонтьева Э. О.* Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР // Регионалистика. Т. 3. № 5. 2016. С. 55.

⁹⁹ [Электронный источник]: http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата доступа 15.03.2020).

- организация софинансирования издержек на объединение и работу институтов и классов гарантирует финансовую эффективность и энтузиазм иностранных партнеров;
- Институты Конфуция организуются на основе самых больших и известных университетов других стран, что позволяет им привлекать самых талантливых студентов, которые впоследствии должны стать элитным классом этих государств, что даст Китаю дополнительные шансы по реализации своей “мягкой силы”;
- благодаря Институтам и Классам Конфуция подлинный конструктивный результат виден от интернационализации китайских университетов.

Сеть Институтов и классов Конфуция стала эффективным инструментом привлечения интереса к китайской культуре в мире. К 2010 г. было открыто более 850 Институтов и классов, из них – около 400 в Соединенных Штатах Америки. В 2014 г. их число увеличилось до 126. С 2011 по 2014 годы в системе прошли обучение и побывали на мероприятиях более 35 млн человек. Экзамен по китайскому языку за этот период только в США сдали 1 млн 600 тысяч учеников¹⁰⁰. Китайские источники показывают беспрецедентный рост числа изучающих китайский язык в мире и интересующихся китайской историей и культурой. Можно отметить также, что этот рост даже вызвал опасения у британских политологов, один из которых, М. Мур, называя цифру в 50 млн человек, изучающих китайский язык, задается вопросом, где конец этой китайской языковой и образовательной экспансии, могущей стать реальным конкурентом на международном уровне признанному лидеру в этой области – Великобритании¹⁰¹.

Реальность этих опасений показывает рост привлекательности и положительного восприятия Китая в различных странах. Согласно опросу, проведенному в 2015 г. американским Pew Research Center, молодежь во всем мире относится к КНР лучше, чем к США. Из 39 стран, где проводился опрос, в 27 политике Китая дали позитивную оценку. В Африке таких было 70%, в Латинской Америке и Азии – 57 %, в совокупности – 55 % оценивали КНР положительно. В России лояльными к Китаю показали себя 79 % опрошенных молодых людей¹⁰². Эти данные показывают, что Институты и классы Конфуция успешно реализуют свою основную задачу – усиление позиций Китая на

¹⁰⁰ *McCafferty G.* China in soft power push with foreign students // CNN. May 29. 2013; [Электронный источник]: URL: <http://edition.cnn.com/2013/05/29/world/asia/china-soft-powerforeign-students/index.html> (дата доступа: 15.03.2020).

¹⁰¹ *Moore M.* The Rise and Rise of Mandarin – But How Many Will End up Speaking It? [Электронный источник]: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/china/8776515/The-rise-and-rise-of-Mandarin-but-how-many-will-end-up-speaking-it.html> (дата доступа 15.03.2020).

¹⁰² [Электронный источник]: <http://www.pewglobal.org/2015/06/23/2-views-of-china-and-the-global-balance-of-power/> (дата доступа 15.03.2020).

международной арене, в первую очередь среди молодежной аудитории, то есть, способствует усилению «мягкой силы» Китая, причем в долгосрочной перспективе.

3.2. Совместные образовательные проекты как форма реализации национальных интересов КНР и Российской Федерации в условиях глобальной конкуренции

История российско-китайских культурных связей в области образования имеет долгую историю и берет начало в первые годы после создания Китайской Народной Республики в 1949 г. К 1960 г. около тысячи китайских студентов обучались в вузах Советского Союза, однако во второй половине 1960-х гг. сотрудничество было прекращено по идеологическим причинам. Лишь в 1983 г. сотрудничество СССР и КНР в области образования снова стало развиваться¹⁰³.

Культурное и образовательное сотрудничество КНР и Российской Федерации в настоящее время играет значительную роль в жизни обеих стран и реализации ими ~~евонж~~ интересов как на региональном, так и глобальном уровне, особенно в условиях возрастающей конкуренции с экономическими лидерами в XX веке – США и Евросоюзом. Почти сразу после распада СССР и образования Российской Федерации в 1992 г. было подписано Межправительственное соглашение о культурном сотрудничестве от 18 декабря. На основании соглашения с 1993 г. стали проводиться ежегодные Форумы ректоров вузов Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Восточных регионов Китая, где обсуждались и ставились многие задачи стратегической интеграции систем образования двух стран.

Лю Цзе подчеркивает следующие положительные аспекты Форума, «они способствуют:

- развитию единого образовательного пространства;
- установлению общих требований к содержанию высшего образования в двух странах;
- взаимному признанию и обеспечению эквивалентности дипломов;
- организации совместных научных исследований;
- общему мониторингу аккредитованных учебных программ;
- созданию совместных научно-образовательных подразделений для подготовки специалистов по наиболее актуальным научным и техническим направлениям;
- расширению практики обмена преподавателями, аспирантами, студентами и др.».

---

¹⁰³ Лю Цзея. Развитие российско-китайских отношений в области образования // Образование и наука. № 10 (109). 2013. С. 93.

В 2017 г. в рамках 12-го Форума Ректоров основной темой дискуссий и обсуждений стали «Университеты России и Китая в стратегии объединения ЕАЭС и пояса Шелкового пути».

В 1995 г. было подписано важное для России и Китая совместное соглашение, описывающее взаимное признание и эквивалентность документов об образовании и ученых степенях. В 2001 г. была учреждена работа «Российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области образования». Собрания и заседания данной комиссии сопровождались дискуссиями о вопросах сотрудничества и двустороннего взаимодействия, принимались принципиальные и важные решения, касающиеся развития отношений. В состав подкомиссии вошли «Рабочая группа по вопросам взаимодействия в изучении и преподавании русского и китайского языков и развитию двусторонних академических обменов и научного сотрудничества между университетами».

«Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации», заключенное правительствами, руководствуясь положениями о культурном сотрудничестве и Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, было подписано в 2003 г. и стало основополагающим документом, способствующим развитию системы Институтов Конфуция и Центров русского языка, стало важнейшим фактором в повышении качества преподавания.

Первый Институт Конфуция на территории РФ был основан на базе ДВФУ в 2006 г., после чего началось интенсивное распространение сети Институтов, они появились не только в Дальневосточной части РФ, но и в Центральной, Западной частях, в таких городах, как: Санкт-Петербург, Москва, Екатеринбург, Новосибирск, Благовещенск, Казань и другие. В 2010–2011 гг. уже насчитывались в 15 городах России, в Москве и Санкт-Петербурге появлялись дополнительные институты. Таким образом, в 2014 г. институты присутствовали в следующих городах: Санкт-Петербурге, Москве, Владивостоке, Новосибирске, Благовещенске, Екатеринбурге, Рязани, Нижнем Новгороде, Волгограде, Комсомольск-на-Амуре, Иркутске, Томске, Улан-Удэ, Казани, Элисте, Перми.

В ноябре 2006 г. было заключено «Соглашение о сотрудничестве в области образования», а в 2008 г. в Пекине было подписано соглашение, целью которого подкомиссия обозначила выработку принципов, которые помогли бы достигнуть равенства Соглашения 2003 г. В 2009–2010 гг. под эгидой «Года русского языка в Китае»

в 2009 г. и «Года китайского языка в России» в 2010 г. прошли несколько массовых мероприятий

В 2009 г. в Китайской Народной Республике состоялось более 260 мероприятий, в которых приняло участие более 100 млн человек¹⁰⁴. Среди них самыми значительными были: открытие в Даляне Центра русского языка; всекитайский онлайн-конкурс на знание русского языка; создание под эгидой китайского посольства в России и РИА «Новости» сайта, информирующего о мероприятиях Года.

В следующем году в России было проведено более 200 мероприятий в рамках Года китайского языка в России.

В следующем десятилетии сотрудничество КНР и РФ в области образования получило новые импульсы и форматы. В 2013 г. Российский Совет по международным делам издал доклад «Интернационализация российских вузов: китайский вектор»¹⁰⁵. В докладе указывались следующие направления российско-китайского сотрудничества в области образования:

- проведена эффективная подготовка специалистов, которые в дальнейшем могли работать в программах высшего и послевузовского образования – оказана поддержка совместных аспирантур, учебных заведений и ассоциаций специализированных вузов, оказано влияние на разработку и скорейшую реализацию общих учебных программ и проектов научных сфер;
- интенсификация прямых межвузовских связей, особенно это было заметно в приграничных регионах; произошло активное расширение обменов среди студентов вузов, так как потенциал базовых центров улучшился, а поощрения молодежного образования в странах-партнерах увеличивались (2014–2015 гг.);
- методики изучения и преподавания русского и китайского языков были улучшены, их эффективность была заметно улучшена. Произошло последовательное повышение роли всевозможных художественных фестивалей, которые студенты проводили между собой, летних и зимних лагерей, интерактивных конкурсов на знание языков, а также выставок образовательных услуг институтов и университетов;
- развивалось регулярное региональное сотрудничество .

---

¹⁰⁴ Лю Цзэя. Указ. соч. С. 99–101.

¹⁰⁵ Интернационализация российских вузов: китайский вектор / [Н. Е. Боревская (рук.) и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). Москва: Спецкнига, 2013. 72 с.

- Образовательные учреждения и их системы совершенствовались, происходило формирование абсолютно новых, до этого не рассматриваемых моделей сотрудничества по инициативе регионов.

Для реализации проекта были определены инфраструктура сотрудничества, правовая база и обоюдные обязательства сторон, формы коммерческого присутствия иностранных агентов. Также были определены формы стимулирования академической мобильности студентов, повышения мотивации обучения китайских студентов в России и российских студентов в Китае и каналы такого привлечения.

Одной из основных форм реализации целей проекта «Интернационализация российских вузов: китайский вектор» были определены взаимодействия вузов в рамках двусторонних и многосторонних образовательных ассоциаций.

Билатеральными ассоциациями вузов являются:

- Ассоциация технических вузов РФ и КНР, созданная в 2011 г. МГТУ им. Н. Э. Баумана и Харбинским политехническим вузом. В состав ассоциации входят 15 вузов из Российской Федерации и 15 из Китая;
- Ассоциация университетов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Восточных регионов Китая была создана в 2012 г. Эта группа университетов объединяет Хабаровский тихоокеанский государственный университет от России и Харбинский Северо-Восточный сельскохозяйственный университет от Китая.

Перечисляя российские многосторонние ассоциации, безусловно, стоит выделить:

- Консорциум ВУЗов – 53 университетов – членов ШОС;
- Ассоциация университетов Тихоокеанского региона (APRU), в состав которой вошли 42 ВУЗа из 16 стран;
- Лига ВУЗов стран БРИКС (в которую со стороны РФ вошли НИУ ВШЭ, МГИМО, УрФУ и ДВФУ, со стороны КНР - Педагогические университеты Фуданя, Цинхуа, Сычуаня, Чжэцзяна, а также Восточно-Китайский).

С китайской же стороны стоит выделить:

- CHE (China Association of Higher Education) – Китайскую ассоциацию высшего образования;
- CEAIE (China Education Association for International Exchange) – Китайскую ассоциацию образования для международного обмена;
- CSCSE (Chinese Service Center for Scholarly Exchange) – Китайский центр услуг по научному обмену;

- Китайскую национальную Канцелярию Совета преподавания китайского языка (Hanban) университетов–партнеров российских Институтов Конфуция.

В завершении работы авторами был сделан достаточно объективный вывод о реализации КНР и РФ целей и планов, касающихся преобразования своих стран в привлекательные центры для студентов всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Проект был эффективным и успешным и вызвал заметный прогресс в развитии сотрудничества между Китаем и Россией в сфере образования. В 2016 г. состоялось создание совместного института Педагогического университета Цзянсу и Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. В 2017 г. на базе МГУ (Московский государственный университет) и ППИ (Пекинский политехнический институт) был открыт совместный российско-китайский университет и совместный университет между ВПУ (Вэйнаньский Педагогический Университета) и МПГУ (Московский педагогический государственный университет). В 2018 г. между Харбинским педагогическим университетом и Московским государственным академическим художественным институтом им. В. Сурикова был открыт совместный Международный художественный институт.

Говоря о количестве школьников России, изучающих китайский язык, стоит отметить, что еще в 2018 г. данным направлением интересовались почти 20 тыс. школьников, а уже в 2019 г. китайский язык был введен в систему ГИА и ЕГЭ, как иностранный язык, который школьники могли по выбору сдать.

Около 30 тыс российских студентов изучают китайский язык в КНР, примерно столько же китайских студентов проходят обучение русскому языку в России. Обмен студентами в 2018 г. составил более 50 тыс, а общий объем академической мобильности по образовательным программам составил 90 тыс человек¹⁰⁶.

Несмотря на достигнутые успехи, в докладе Российского совета по международным делам 2019 г. «Российско-китайский диалог: модель 2019» указываются проблемы, связанные с ухудшением ситуации с изучением Китая в России. «Советская школа китайских исследований по праву признавалась одной из лучших в мире, но после распада СССР, во многом в связи с недостаточным финансированием науки, интерес молодежи к Китаеведению упал. Это привело к сокращению и старению команды синологов, и утрата преемственности поколений становится все заметней. Китайское

---

¹⁰⁶ Россия и Китай подписали протокол об увеличении обмена учащимися // Российское образование. 30 октября 2018 г. [Электронный источник]: URL: <http://www.edu.ru/news/international/rossiya-i-kitay-podpisali-protokol-ob-uvelichenii/> (дата доступа 15.03.2020).

академическое сообщество, занимающееся исследованиями России, также сталкивается с проблемами старения и отсутствия новых идей»¹⁰⁷. Эти недостатки делают актуальным дальнейшее развитие российско-китайского сотрудничества в сфере образования. Как отмечает Л. И. Ефремова, «Российская Федерация и Китайская Народная Республика обладают реальным потенциалом, позволяющим им занимать достойное место в мировом образовательном сообществе»¹⁰⁸.

---

¹⁰⁷ Российско-китайский диалог: модель 2019. С. 82.

¹⁰⁸ Ефремова Л.И. Российско-китайское сотрудничество в области образования // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Вып. 17. № 4, 2017. С. 857-865.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе настоящего диссертационного исследования были сделаны следующие выводы, отвечающие его цели и задачам.

1. В современной китайской политической мысли становятся популярными идеи, связанные с концепцией «мягкой силы». Китайскими аналитиками были освоены труды основателей концепции – Дж. Ная, З. Бжезинского, С. Хантингтона и других классиков западной политологии и геополитики. С начала реформ Дэн Сяопина концепция «мягкой силы» вошла в контекст китайского политического языка. При этом, китайскими специалистами был создан синтез современных западных и традиционных китайских идей, приведший к созданию концепции «мягкой силы» с китайской спецификой, а именно, к культуросцентричной концепции. В ней произошел синтез конфуцианских и даосских идей и западной геополитики. Основные «идеологемы» китайского варианта «мягкой силы» – понятия «традиция», «культура», «экономическое развитие», «социальная справедливость», «мораль и право» – разработанные в трудах Ван Хуньина в начале 1990-х гг., отличаются от западных «идеологем» – «личная свобода», «свобода бизнеса», «влияние массовой культуры». Институционализация интереса к концепциям «мягкой силы» в Китае развивается с открытия в 2012 г. Гуандунского института исследований «мягкой силы». В настоящее время в КНР функционирует также Китайский общенациональный Центр по исследованию «мягкой силы» в Пекине, издаются периодические издания – журналы «Культура и сила государства» в Пекине и «Культурная мягкая сила» в Хунаньском университете.

2. «Культуросцентризм» является главным направлением политики «мягкой силы» в Китайской Народной Республике. Лишь некоторые специалисты по международным отношениям, в частности, профессор Университета Цинхуа Янь Сюэтуан, полагают, что не культура, а политическая власть является ядром «мягкой силы». Сюй Цзинь полагает, что «мягкая сила» состоит в международной привлекательности, включая международный и внутренний мобилизационный потенциал. Для ведущего сторонника «школы культуры» Юй Синьтяня мягкая сила включает в себя мысли, идеи и принципы, а также институты, которые действуют в контексте национальной культуры и не могут быть отделены от нее. В контекст китайского варианта концепции «мягкой силы» входят традиционные китайские ценности. Таким образом, китайский вариант «мягкой силы» объединяет цели внутренней и внешней политики, основывая их на единых культурных принципах. Китайское руководство признает значение «мягкой силы» в достижении как

национальной мощи, так и международного влияния. Председатель КНР Ху Цзиньтао отметил в своей речи в 2006 году: «тот, кто займет главенствующее положение на поле битвы культурного развития, одержит верх в ожесточенной международной конкуренции». Нынешнее руководство КНР во главе с председателем Си Цзиньпином продолжило успешно развивать идеи «культурной мягкой силы» Китая в мире, основанные на внутренних успехах, национальном согласии и повышении авторитета Китая в международных делах на региональном и глобальном уровне.

3. В рамках развития «культуроцентричной концепции» «мягкой силы» пропаганда и поддержка изучения китайского языка в зарубежных странах становится важным элементом, которому в Китае придается большое значение. С 1984 г. в КНР был создан и начал активно действовать Исследовательский центр зарубежного китаеведения на базе Пекинского университета иностранных языков. В 1987 г. официальным постановлением правительства Китая был создан Совет по распространению китайского языка за рубежом, в состав которого вошли представители 12 министерств и ведомств КНР, а рабочим органом стала Канцелярия Совета (Ханьбань) с широкими полномочиями в области административной и финансовой поддержке языковых программ. В рамках деятельности Совета по распространению китайского языка за рубежом в 2004 г. было принято решение о создании в различных странах Институтов Конфуция как реализация стремления повышения интереса к китайскому языку и культуре во всем мире. Новое поколение китайского руководство во главе с Си Цзиньпином продолжает активную политику усиления роли китайского языка как в реализации внутривластного принципа «китайской мечты», так и в развитии китайского влияния в мировой экономике, политике, сфере международной безопасности, а также для поддержки формирования в Китае современной научной и научно-технологической системы, соответствующей общемировым стандартам. Политика КНР в области языка способствует встраиванию китайской науки в общее глобальное научное пространство, усиливает роль КНР как ведущей современной державы, использующей в своем влиянии факторы «мягкой силы» по широкому спектру направлений.

4. Становление и развитие в Китае системы образования прошло долгий и сложный путь с конца XIX в., когда были организованы первые университеты по западному образцу, через влияние СССР во второй половине XX в. к реформам современного типа. С 1980-х гг. китайское образование претерпело ряд новых реформ, которые постепенно приносили улучшения. Начавшись с целью преодоления массовой

безграмотности, реформа все большее внимание уделяет повышению качества китайской системы образования, соответствующего современным экономическим и глобальным вызовам. В рамках государственных «Программы 211» и «Программы 985» были выделены приоритетные вузы, целью которых стало превращение в научно-образовательные учреждения мирового уровня. Другим аспектом современных реформ китайского образования стало участие негосударственных коммерческих и общественных структур. Система образования КНР получила современную нормативно-правовую базу, а по количественным показателям она вышла на первое место в мире, став эффективным ресурсом политики «мягкой силы».

5. Руководство КНР осознает, что в системе китайского образования до сих пор остается большое количество проблем, решению которых придается важное значение. В числе этих проблем отмечается: недостатки в управлении системой образования; проблема доступности и справедливости системы образования; проблема повышения качества образования в условиях меняющегося и глобализирующегося мира; проблема повышения международной конкурентоспособности китайского образования. По всем направлениям китайское руководство предпринимает большие усилия. Принимаются постановления, усиливающие координацию между управляющими органами в системе образования и совершенствующие систему управления. Все эти мероприятия также должны в перспективе увеличить конкурентоспособность китайской системы образования на международном уровне.

6. В числе проблем современной системы китайского образования отмечается отставание от современных мировых лидеров, чьи образовательные системы долгое время были передовыми. Эту проблему может решить интернационализация образования, встраивание китайской системы с ее культурно и языковой спецификой в общемировое образовательное пространство. Интернационализация Китайского высшего образования становится все более разнообразной в области международного обмена и сотрудничества. В 2010 г. был принят Национальный план по среднесрочному и долгосрочному реформированию и развитию образования, в числе задач которого были определены факторы интернационализации. Уникальную образовательную систему, ориентированную на интернационализацию, представляют собой Институты и классы Конфуция, которые по состоянию на конец 2018 г. действовали в 154 странах (548 Институтов и 1193 класса). Система, сочетающая зарубежные примеры и китайские традиции, является эффективным механизмом повышения культурного влияния и популяризации китайского языка,

усиление позиций Китая на международной арене, в первую очередь среди молодежной аудитории, то есть, способствует усилению «мягкой силы» Китая в долгосрочной перспективе.

7. Культурное и образовательное сотрудничество КНР и Российской Федерации в настоящее время играет значительную роль в жизни обеих стран и реализации ими своих интересов как на региональном, так и глобальном уровне, особенно в условиях возрастающей конкуренции с мировыми экономическими лидерами. Это сотрудничество имеет давнюю традицию и продолжает развиваться в двустороннем и многостороннем контекстах. С 1993 г. стали проводиться ежегодные Форумы ректоров вузов Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Восточных регионов Китая. С 2001 г. работает «Российско-китайская подкомиссия по сотрудничеству в области образования». В КНР и РФ успешно реализуются проекты создания в РФ Институтов Конфуция, а в КНР – отделений российского Института русского языка им. А. С. Пушкина. Обмен студентами между Российской Федерацией и Китайской народной республикой в 2018 г. составил более 50 тыс, а общий объем академической мобильности по образовательным программам составил 90 тыс человек. Совместные с КНР образовательные проекты составляют важную часть работы Российского совета по международным делам, а в 2013 г. стали главной темой доклада РСМД – «Интернационализация российских вузов: китайский вектор». В 2017 г. был открыт совместный российско-китайского университета на базе Московского государственного университета (МГУ) им. М. В. Ломоносова и Пекинского политехнического института (ППИ) в Шэньчжэне и совместный вуз Вэйнаньского педагогического университета и Московского педагогического государственного университета. Несмотря на отдельные проблемы, Россия и Китай успешно реализуют совместные образовательные проекты, способствующие усилению региональных и глобальных позиций обеих государств, то есть отвечающие их общим интересам в рамках концепции «мягкой силы».

8. В результате можно сделать вывод, что система образования как важный инструмент культурного направления реализации «мягкой силы» во внешней политике Китайской народной республики основана на традиционных китайских культурных ценностях, имеет мощный внутренний реализационный потенциал, базирующийся на современных реформах, и способствует усилению внутривластной стабильности и внешнеполитического влияния Китая в мире.

Использованная литература и источники

Документы

1. Министерство образования КНР. Замечания о всестороннем повышении качества высшего образования [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gov.cn/zwgk/2012-04/20/content_2118168.htm (дата обращения 19.04.2020)
2. Национальный план на 1977 -2016 годы для участия в вступительном экзамене в колледже и при поступлении - CSDN Blog
3. Ministry of Education of China. Implementation program for the construction of civic morality. Электронный ресурс: http://www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_61136.htm. Дата обращения: 26.04.2020.
4. Ministry of Education of China & Ministry of Finance of China. (2007). Suggestions of implementing the project of enhancing instructional quality and reforming teaching practice of undergraduate education in higher educations (in Chinese). [Электронный ресурс]: http://moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_1623/201001/xxgk_79761.html. Дата обращения 12.05.2020.
5. Project 2011: A Brief Introduction. China Education and Research Network. [Электронный ресурс]: <https://web.archive.org/web/20100409063018/http://www.edu.cn/20010101/21852.shtml>. Дата обращения 15.05.2020.
6. Outline of China's National Plan for Medium and Long-term Education Reform and Development (2010-2020) 2010. [Электронный ресурс]: <http://ncee.org/wp-content/uploads/2016/12/Sha-non-AV-5-China-Education-Plan-2010-2020.pdf>. Дата обращения 20.05.2020.
7. The Four Modernizations of China. Электронный ресурс: <https://apps-node2.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/ю>. Дата обращения: 18.05.2020.

Монографии

8. Виноградов В. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008. 368 с.
9. История Китая: учеб. для вузов / Л. С. Васильев, З. Г. Лапина, А. В. Меликсетов, А. А. Писарев; отв. ред. А. В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, 2004. 751 с.

10. Ли Шицзюнь. Дэн Сяопин: идеология военной философии нового времени. Бэйцзин, 1991. 295 с.
11. Лузянин С.Г., Чжао Х. Российско-китайский диалог: модель 2019. М. Российский совет по международным делам (РСМД), 2019. 200 с.
12. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд. 397 с.
13. Се Вэйхэ. Развитие образования и справедливость в сфере образования КНР. 1990–2005. Пекин: Цзяоюй кэсюэ чубаньшэ, 2008. 370 с.
14. Цзинь Ли. Культурные основы обучения: Восток и Запад. М.: издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 464 с.
15. Jing Wang. High Culture Fever: Politics, Aesthetics, and Ideology in Deng's China. Berkeley: University of California Press, 1996. 399 p.
16. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1990. 336 p.

Статьи

17. Абрамов В. А. Императивный потенциал «мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР // Вестн. ЧитГУ. 2010. № 3 (60). С. 8–15.
18. Актамов А. Г. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния // Власть. № 3. 2019. С. 231-236
19. Бобыло А. М. Политика интернационализации высшего образования в странах АТР как инструмент «мягкой силы» (на примере США, КНР, Сингапура и РФ) // Ойкумена. № 1. 2017. С.18-28
20. Бояркина А. В. Язык и культура Китая как эффективные инструменты «мягкой силы» в реализации внешней политики КНР // Теория и практика общественного развития. № 12. 2014. С. 115–118.
21. Ван Хуньин. Культура – «мягкая сила» государственной мощи // Фудань сюбао. 1993. № 3. С. 91–98.
22. Ван Шаньмай. Система оценок и критерии справедливости в сфере образования // Бэйцзин шифань дасюэ сюэбао. № 3. 2008.
23. Высшее образование в Китае, 2018 год: [Электронный ресурс]: <http://www.allchina.ru/rus/edu/highedu.php> (Дата обращения 15.03.2020)

24. Ганьшина Г. И. История развития политики «мягкой силы» в Китае // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. № 3. 2016. С. 63–72.
25. Гао Чжаньсян. Сила культуры. Бейцзин дацзю чубаньши, 2007.
26. Гарбарт М. И. «Мягкая сила» с китайской спецификой: основные особенности китайского подхода к концепции на современном этапе // Вестник ЗабГУ. 2019. № 1. С. 46–53.
27. Дань Шилян. «Мягкая сила» массовой культуры // Исследования культуры. 2015. № 4. С.17-25
28. Интернационализация российских вузов: китайский вектор / [Н.Е. Боревская (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). Москва: Спецкнига, 2013. 72 с.
29. Исследовательская группа, Исследовательский центр конкурентоспособности и оценки, Китайский университет Жэньминь. Стандартный отчет о развитии конкурентоспособности 2001 – Темы развития в 21-м веке. Пекин: Renmin University of China Press, 2001
30. Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. СПб.: Алетейя, 2003. 398 с. С. 205–241.
31. Кочетков В.В., Грачиков Е.Н. Идентичность как источник «мягкой силы» Китая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 40-62.
32. Кузнецова В. В., Машкина О.А. Эволюция политики финансового обеспечения обязательного образования в КНР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. №4. 2016. С. 17-30.
33. Лао Цзы. Дао дэ Цзин. [Электронный ресурс]: www.lib.ru/POECHIN/lao1.txt
Дата обращения 15.02.2020.
34. Леонтьева Э.О. Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР // Регионалистика. Том 3. № 5, 2016. С. 52-58.
35. Лю Цзея. Развитие российско-китайских отношений в области образования // Образование и наука. № 10 (109), 2013. С. 91-104.
36. Михневич С.В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Юго-Восточной Азии // Вестник международных организаций. Т. 10. № 1, 2015. С. 81-117.

37. Морозова Н.В. Роль языка в политическом дискурсе КНР // Историческая психология и социология истории, № 1, 2016. С. 72-85.
38. Муратшина К.Г., Иванова А.Е. Сотрудничество Китая со странами ЮВА в сфере образования как проявление политики «мягкой силы» и средство решения ключевых внешнеполитических задач // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XXXV. № 35, 2007. С. 58-69.
39. Осинский И.И. Китай в мире науки // Евразийство и мир, № 1, 2019. С. 1-22.
40. Пан Юйюань. Ориентация, характеристики и качество высшего образования в Китае // Университетское образование. № 12, 2005.
41. Распертова С.Ю. «Китайская мечта» как культурная стратегия КНР по повышению «мягкой силы» государства на международной арене // Вестник МГЛУ. Выпуск 13 (724), 2015.
42. Резюме количества учителей дневного отделения всех типов школ на всех уровнях в Китае с 1949 по 2008 год. [Электронный ресурс]: <https://wenku.baidu.com/view/6e82535d77232f60ddcca1fd.html>. Дата обращения 15.03.2020.
43. Россия и Китай подписали протокол об увеличении обмена учащимися // Российское образование, 30 октября 2018 г. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.edu.ru/news/international/rossiya-i-kitay-podpisali-protokol-ob-velichenii/> (дата доступа 15.03.2020)
44. Россия – Китай: Образовательные реформы на рубеже XX – XXI вв.: сравнительный анализ / отв. ред. Н. В. Боровская, В. П. Борисенков, Чжу Сяомань. М., 2007.
45. Россия и Китай подписали протокол об увеличении обмена учащимися // Российское образование, 30 октября 2018 г. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.edu.ru/news/international/rossiya-i-kitay-podpisali-protokol-ob-velichenii/> (дата обращения: 15.03.2020).
46. Русакова О. Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. Т. 118. № 3, 2013. С.52-61.
47. Семенова С.С. Образование в Китае: история и современность // Вестник ТГПУ, 2012. № 5. С.126-130.

48. Стражев В. И. Юбилей Китайской Народной Республики, к 60-летию образования КНР // Беларусь – Китай: Китай в современном мире: сб. науч. трудов. Вып. 8. Минск: Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2010. С.60-70.
49. Сюй Ли, Тенчурина Л. Проблемы справедливости в сфере образования КНР // Власть, № 10, 2013. С.118-121.
50. Тань Сунхуа. Обсуждение вопросов справедливости в образовании Китая на современном этапе. // Цзяюй яньцзю, 1994, № 6.
51. Тарасова Д.А. Экспорт массовой культуры как слабое звено мягкой силы Китая // Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2019. Том 46, № 1.С.162-170.
52. Успехи китайского образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://edu.ifeng.com/news/detail_2011_01/19/4345867_0.shtml. Дата обращения 15.03.2020.
53. Хань Цзяхуэй, Растопчина Ю.Л. Исследование количественных и качественных характеристик образовательного рынка Китая // Научный результат. Экономические исследования. Т.4, №4, 2018. С.22-27.
54. Цао И. Развитие системы обеспечения и оценки качества высшего образования в Китае // Современные гуманитарные исследования. № 4 (59). 2014. С- 151-160.
55. Чжан Цзы, Сан Хун. Культура: «мягкая власть» международной политики // Исследования социализма. 1999. № 3. С.41-44.
56. Чжэн Бао. Мягкая сила Китая. Чжунчжэнь биньличжу, 2015.
57. Шаров К.С. «Почти идеальная» система образования: китайский опыт. Часть 1 // Идеи и идеалы, № 1, 2014. С.135-147.
58. Шарль Ирине де Сен-Пьер. Избранные места из проекта вечного мира (В изложении Ж.-Ж. Руссо, 1760) // Трактаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. СПб.: Алетейя, 2003. 398 с. С. 136–161.
59. Ян Дегуан, Чжан Син. Размышляя о справедливости и эффективности высшего образования // Труды Пекинского университета, 2003, № 1. С. 65 -71.
60. 17th Party Congress Demands Boosting Cultural Creativity ‘Soft Power // Xinhua, December 28, 2007.
61. Andrys Onsman. Why do international students go to China? // University world news/ 25.10.2013: [Электронный ресурс]: URL: <http://bit.ly/AO84Kr1> (Дата обращения 15.03.2020)

62. Central Leadership Attaches Importance to Soft Power // Wen Wei Po, October 4, 2006.
63. Dahl R. A. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. July. P.201
64. Chaudhry Saeed Ullah. China's soft power: changing the World. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degrees of master of science in defense analysis. Naval Postgraduate School. Monterey, California. December 2015.
65. China, ASEAN vow further cooperation in education // China Daily. 4.08.2015
66. Gil Jeffrey. China's Confucius Institute Project: language and soft power in world politics // The Global Studies Journal. Melbourne, 2009. Vol. 2. № 1. P. 59-72.
67. Harari, M. Internationalizing Education / M. Harari. Long Beach, Ca: California State University: Center for International Education, 1972. P. 17.
68. Hu Jintao Calls for Harmonious World at Summit // China Daily, September 16, 2005.
69. Hu Jintao Speech to Literary and Art Circles // Renmin Ribao, November 12, 2006.
70. Li Haijuan. Soft Power Competition and Cultural Strategy // Mao Zedong Deng Xiaoping Lilun Yangjiu, Issue 12, 2004. Pp.49-54.
71. Liu Yunshan. Hold High the Banner of Advanced Culture // Renmin Ribao, December 11, 2002.
72. McCafferty G. China in soft power push with foreign students // CNN. May 29, 2013: [Электронный ресурс]: URL: <http://edition.cnn.com/2013/05/29/world/asia/china-soft-powerforeign-students/index.html> (Дата обращения: 15.03.2020)
73. Moore M. The Rise and Rise of Mandarin – But How Many Will End up Speaking It? [Электронный ресурс]: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/china/8776515/The-rise-and-rise-of-Mandarin-but-how-many-will-end-up-speaking-it.html> (Дата обращения 15.03.2020)
74. New 2012 Project Atlas Trends and Global Data Fact Sheet // Institute of international education: {Электронный ресурс}: URL: <http://www.iie.org/Research-and-Publications/Project-Atlas> (дата обращения: 15.03.2020)
75. Number of Chinese outbound students up by 11% in 2014 // ICEF Monitor. 2015. March, 31: [Электронный ресурс]: URL: <http://monitor.icef.com/2015/03/number-of-chineseoutbound-students-up-by-11-in-2014/> (дата обращения: 15.03.2020)
76. Nye J. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. P.81.

77. Qiao Liang. The New Soft Power Competition // *Xiandai Guoji Guanxi*, No. 5, 2008.
78. Shaohua Hu. Confucianism and Contemporary Chinese Politics // *Politics & Policy*. Vol. 35, no. 1, 2007.
79. Shen A.P. Teacher Education and National Development in China // *Journal of Education*. 1994. Vol. 176. P. 57-71.
80. Shen Guofang. The Theory of Harmonious World and China's New Diplomacy // *Shijie Zhishi*, July 1, 2007. P.43.
81. Soft Power: China Takes Measures to Bolster Its Global Cultural Prowess // *China Media Project Online*, December 19, 2007. [Электронный ресурс]: <http://cmp.hku.hk/2007/12/19/797>. Дата обращения 15.03.2020.
82. Wang Huning. Culture as National Soft Power: Soft Power // *Journal of Fudan University*. March 1993.
83. Wuthnow J. The Concept of Soft Power in China's Strategic Discourse // *Issues and Studies* 44. No. 2, 2008. P. 13.
84. Yan Xuetong. Political Application of Cultural Resources // *Huanqiu Shibao*, August 2, 2007.
85. Yan Xuetong and Xu Jin. A Soft Power Comparison between China and the United States // *Xiandai Guoji Guanxi*, January 20, 2008. P.5-33.
86. Yu Xintian. The Role of Soft Power in China's Foreign Strategy // *Guoji Wenti Yanjiu*, March 13, 2008.